

Трое из леса

Юрий НИКИТИН

Изгой

«ЭКСМО»

2000

Никитин Ю. А.

Изгой / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 2000 — (Трое из леса)

Коварны боги. Гелон заключил с ним договор – проиграл, Скиф – проиграл. Олег на краю гибели вынужден принять от древнего бога помощь, но за это ему жить только «до последнего луча солнца! Правда, летом дни такие длинные...». Как распутать узел, где сплелись интриги Семи Тайных, самых могучих чародеев вселенной, где страсть и гнев Скифа, стойкость Агафирса и горькое прозрение Богоборца?

© Никитин Ю. А., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Часть 1

Глава 1

Корчма как корчма, только потолок низковат, зато вширь раздалась так, что вместо стен только облака сизого дыма. Олег остановился на пороге, разом охватив взглядом и народ за столами, и закопченные стены, и тусклые светильники.

Воздух горячий, жарится мясо, рыба. За столами пьют и едят смуглокожие люди, проклятые солнцем, пропахшие потом. Все в коже с головы до ног, в отличие от горожан, у которых даже штаны полотняные. Степняки, пригоняют скот на продажу дважды в год, для них посещение корчмы – праздник...

Между столами шныряют подростки, разносят еду и питье. Да еще пробирается, выискивая место, плечистый, но сгорбленный парень с падающими на плечи волосами цвета темной беззвездной ночи. Серая, протертая до дыр рубаха перехвачена в поясе старым ремешком. Судя по тонкому стану, парень молод, совсем молод, еще Олегу показалось, что парень смертельно устал, озлоблен, голоден и чем-то напуган. Больше, чем бывают напуганы жизнью такие вот бездомные бродяги.

Пока Олег шел к уединенному столу в дальнем углу, парень подсел на освободившееся место к четверым степнякам. Олег успел увидеть красивое мужественное лицо, квадратную челюсть, губы стиснуты, в каждом жесте и движении готовность дать в зубы всякому, кто расхохочется над его драной обувью или дырявой рубахой, явно с чужого плеча. Олег таких задир терпеть не мог, отвернулся.

Из окошка кухни выглянуло широкое лоснящееся лицо, красное и распаренное. Олег решил, что повар, но из боковой двери вышел массивный человек в кожаном переднике, глаза навыкате, волосатые руки на ходу вытирает о штаны, взгляд обыскивающий, так смотрят хозяева постоялых дворов, сразу стараясь определить, с кем имеют дело.

Этот мужик, явно хозяин, оказался перед столом Олега едва ли не раньше, чем гость опустился на лавку. Олег принял как должное, хотя он чуть ли не в тряпье, не дело мудреца замечать, что на нем, но торговцы и хозяева постоялых дворов как-то угадывают в нем человека, который... который может расплатиться.

– Пообедать? – спросил хозяин. – Вина? Комнату?

– Рыбы, – велел Олег. – И слабого вина. Но – хорошего.

Он бросил на стол пару золотых монет. Глаза хозяина округлились, давно не видел ничего, кроме серебра и меди, поклонился, сказал почтительно:

– Принесу сам. Есть и рыба, и самое лучшее в этих краях вино!

Олег не ответил, голова опустилась на кулаки, локтями уперся в столешницу. Хозяин поспешно удалился, под личиной простолюдинов по земле ходят, как говорят старые люди, даже боги.

Остро пахло жареным мясом, луком, ноздри щекотали и дразнили ароматы горьких трав. Двое мальчишек сбиваются с ног, разнося кувшины с вином, толстая девка носится между столами, вытирает столешницы, со всех сторон гам, шум, пьяные песни, выкрики...

Перед его взором появилось широкое блюдо с огромной, только что испеченной рыбной. Рядом бесшумно, чтобы не спугнуть думы богатого гостя, опустился широкий кувшин с узким горлышком. Смуглые руки скovyрнули смоляную печать. Ноздри Олега дрогнули, запах в самом деле приятный, а вино старое, выдержанное.

Мысли вспорхнули, как испуганные воробьи. Приходят с трудом, а улетают с такой легкостью, что скрипел зубами от злости: уже почти что додумался до чего-то важного! Уже ухва-

тил за хвостик... но запах самой простой еды как ударом оглобли вышибает высокие и даже возвышенные мысли о Великом. Иногда даже запах женщины... А уж если пройдет близко, двигая бедрами из стороны в сторону... Что он за скот такой?

Насытился быстро, дальше вяло ковырялся в рыбине. Мясо на редкость нежное, но костей напихано столько, что вся радость от смакования ушла, осталось только глухое раздражение, что никогда радость не бывает чистой, незамутненной.

В голове звон, звучат обрывки мудрых фраз, одна другой закрученнее, замысловатее, мелькают свитки с письменами, в глазах рябит от значков и символов, что остались от древних народов...

Он чувствовал, что на ощупь пробирается через зыбкий туман мокрый и вязкий, под ногами то гнило чавкает, то невыносимо и отвратительно шелестят, лопаясь, пересохшие панцири перелинявших тварей. Он зависал в паутине, наткнулся на каменные стены, тонул в гнилых болотах, под ногами обрушивалась земля, он в смертельном страхе падал, падал, падал в бездну... и все эти страхи – лишь туман его мыслей, хитиновые шкурки его перелинявших идей, это его собственная жажда сказать все четко и ясно увязает в ощущениях, которые не может вместить в слова! И когда под ногами вдруг пустота, он в самом деле терял опору не только мыслям и себе, но и чему-то более важному, чем он сам.

Из-за стены тумана все громче звучали раздраженные злые голоса. Перед глазами нехотя проступило просторное помещение, заполненное народом, появились столы с едой и плохим вином. Пьют, едят, бахвалятся, бранятся, горланят песни...

А, вон там затевается драка. Молодой парень, который в простой холщовой рубашке и похож на бродягу, вскочил, лавка с грохотом упала. Напротив поднялись двое, но парень толкнул одного в грудь, тот рухнул навзничь, словно его ударило бревном, тоже опрокинул лавку, ударился о стену. Второй благоразумно кулаки в ход не пустил, но орал, бешено выкатив глаза, указывал на черноволосого, обращаясь к присутствующим.

Ссора вообще-то пустяшная, таких в каждой корчме по десятку за вечер, и когда молодой бродяга вдруг могучим ударом кулака отшвырнул и второго спорщика, Олег поморщился, отвернулся. Всегда одно и то же, осточертело. Дальше кусок рыбы оказался несколько чище, без костей, снова проснулся аппетит, елось с некоторым даже удовольствием, запивал вином.

Однако что-то беспокоило, он чуть повернулся, краем глаза ловил движения этих потных сопящих существ, к роду которых принадлежит и сам. Один из степняков за два стола от места ссоры поднялся, пошел к выходу. Что-то в его движениях насторожило, послало дрожь вдоль спинного хребта. Степняк двигается к двери, на лице подчеркнутое отвращение к пьяной драке, но одна рука что-то щупает под полкой.

Олег взял кувшин, привстал. Перед степняком открылся проход к двери, но он почему-то шагнул в ту сторону, где драка. Олег торопливо швырнул кувшин. Молодой бродяга дрался люто, от его ударов спорщики разлетались как орехи. Почти никто не успел увидеть, как подошедший выхватил длинный узкий нож. Рука начала подниматься в замахе...

Кувшин ударил ручкой в висок. Черепки разлетелись, как сухие листья. Пара красных капель упала на голое плечо бродяги. Тот на миг оглянулся, в глазах свирепая радость: наконец-то настоящая драка, с оружием, теперь можно бить, крушить, ломать, а там плевать, что дальше его самого убьют, растопчут, разорвут на части!

Из-за стола, что рядом, вскочили двое. Уже не скрываясь, с ножами в руках, бросились на бродягу. Олег поднялся, вмешаться и разнять уже не успеет... массивная лавка на самом деле оказалась не такой уж и тяжелой, как выглядит. Он без размаха швырнул ее над головами пирующих.

Бродяга успел оглянуться, глаза расширились, видя двух с ножами. Тут же тяжелая дубовая лавка обрушилась им на плечи как бревно, падающее с горы. Бродяга успел на лету выдернуть у одного из руки нож, отпрыгнул.

Оглушенные неожиданным ударом в спины, оба ворочались, сопели и ругались, пробовали подняться, а черноволосый с наслаждением попинал их, все оглядывался, искал глазами того, кто так неожиданно пришел на помощь.

Хозяин примчался со стулом в обеих руках. Стул выглядел почти новым, спинка и сиденье красиво обиты медвежьей шкурой.

– Еще вина? – спросил он.

– У тебя хорошее вино, – одобрил Олег. – Вот возьми... Принеси еще кувшин такого же.

Он придвинул ногой стул ближе к столу, хороший стул, настоящее кресло для почетных гостей, беспокойно сел. На него поглядывали из-за каждого стола. Он чувствовал недоброжелательство и настороженность. На столе появился кувшин, широкий медный кубок с чеканкой по ободку, но теперь не шли даже прежние мысли, в черепе запоздало шумела кровь, а мышцы подергивались, не получив ожидаемой драки.

Это вино не хуже, если даже не лучше, но отпил чуть, поднялся. На него смотрели от столов настороженно, как степняки, так и местные. Он улыбнулся, кивнул на оставленный кувшин. Дескать, кто желает хорошего вина на дармовщину, налетай.

Когда шел к выходу, чувствовал на спине эти злые и растерянные взгляды. С падающими на плечи красными, как огонь, волосами, он и так всегда привлекает внимание, а встречные не раз останавливались, пораженные сочетанием этих красных волос и пронзительно зеленых глаз, ярко-зеленых, светлых, от которых, казалось, идет странный колдовской свет.

Теплый вечерний воздух легонько взъерошил влажные волосы. Запахи конюшни текут медленно, успокаивающе. На том конце двора легонько стучит металлом, в щели крыши пробивается легкий сизый дымок.

С колоды, где поили коней, поднялся молодой бродяга. На Олега взглянули синие глаза, непривычно яркие на смуглом лице с черными соболиными бровями. Волосы он смочил у колодца, теперь падают на плечи ровными прядями, блестящие, как застывшая на холоде смола.

– Спасибо, – сказал он сиплым, совсем не юношеским голосом. – Если бы не ты...

Олег отмахнулся:

– Забудь. Все равно тебя скоро зарежут.

Бродяга насторожился.

– Почему?

– Сам лезешь в ссоры, – объяснил Олег. – А такие долго не живут. К тому же ты кого-то рассердил достаточно могущественного. По крайней мере, трое жаждали тебя убить не за сегодняшние резкие слова.

Бродяга кивнул:

– Вот за них я и хотел сказать спасибо. Считаешь, их кто-то нанял?

Олег пожал плечами.

– Возможно.

Двери конюшни распахнуты, в тишине слышно, как сопят и чешутся кони. Налетел легкий ветерок, зашелестел ветками высокого старого клена в пяти шагах от конюшни. В одном месте ветки качались и после того, как ветерок улетел дальше.

Олег прошел мимо, слегка отодвинув богатыря плечом. Тот был весь как из дерева, но Олег знал, что он и сам как из камня. Он был почти у ворот конюшни, когда сзади догнал стук шагов.

Все тот же сиплый голос воскликнул:

– Я знаю, тебе это не нужно. Но ты единственный, кто помог мне в этом проклятом городе.

– Ну и что?

Юноша сказал с явным раздражением:

– Я должен был сказать хотя бы спасибо.

– Пустое, – отмахнулся Олег. – Не стоит за такую малость.

Из конюшни выскочил мальчишка, в глазах удивление.

– Уезжаете? Я бы оставил вашего коня у коновязи... Красивый конь, я таких еще не видел!

– Оседлай, – разрешил Олег благосклонно. – Он не укусит.

Снова догнали быстрые и вместе с тем тяжелые шаги. В молодом сильном голосе прозвучало уже не раздражение, а злость:

– Это я – малость?

Олег отмахнулся, не оборачиваясь:

– Только не затевай драку еще и со мной.

– Почему? – спросил бродяга задиристо.

– Мне очень не хочется быть битым в такой чудесный вечер, – объяснил Олег.

Бродяга несколько мгновений всматривался в его лицо. В синих глазах злость переплывалась в ярость.

– Так говорят только очень уверенные в себе...

Олег услышал тихий шелест. Рука его метнулась в сторону, пальцы начали смыкаться еще в пустоте, но когда сжались, в ладони уже была зажата рукоять швыряльного ножа. Рука по инерции качнулась в сторону горла богатыря, тут же Олег швырнул нож обратно. В темноте послышался сдавленный вскрик.

В листве клена зашелестело. На землю вывалился, цепляясь за ветки, крупный человек в темной одежде. Бродяга инстинктивно сделал к нему шаг, Олег остановил:

– Что тебе?.. Это его нож.

– Что? – спросил бродяга ошарашенно.

– Я говорю, – объяснил Олег как глухому, – нож вернулся к хозяину. Или тебе пограбить зудит?

Из ворот выбежал мальчишка, ведя в поводу могучего жеребца, легкого, с сухими мышцами и горящими как жар глазами. Олег пошел навстречу, конь призывно заржал, подбежал к хозяину и потерся мордой о плечо. Олег похлопал по огромной голове, чмокнул в бархатные конские губы. Конь фыркнул и отодвинулся, телячьи нежности – это не для взрослого коня.

Со спины послышались торопливые шаги. Бродяга подходил, как чувствовал по его походке Олег, раздражаемый сомнениями. Шаги нетвердые, а ведь человек он, несмотря на крайнюю молодость, уже умелый в боях, знающий, как ставить ноги.

– Прости, – донесся его голос, – ты мне спас жизнь уже дважды.

– Трижды, – поправил Олег, он всегда любил точность.

– Что?

– Трижды, – пояснил Олег. Он уже чувствовал, как губы расплзаются в улыбке. – Но это такая малость, что даже спасибо не стоит.

Сзади засопело, он уже ожидал новую вспышку злости, но бродяга за спиной зло рассмеялся:

– Прости, я только сейчас понял, что под малостью понимаешь не меня, а то, что ты сделал. Я еще не видел, чтобы вот так могли поймать нож... да еще в темноте! Так что бросить кувшин или лавку – это в самом деле для тебя малость.

Олег положил одну руку на седло, но что-то заставило обернуться. Этот молодой бродяга стоит перед ним почти такой же рослый, как и он сам, широкий, с длинными черными волосами до плеч и неправдоподобно синими глазами. Снова в сердце Олега кольнуло неясное узнавание. И почудилось, что желание именно сегодня зайти в корчму и просидеть там целый вечер среди пьяных мужиков было совсем не случайным.

– Кто ты есть? – спросил он. – Впрочем, не хочешь – не говори. Но только простых бродяг не подстерегают такие. И ножи в этом городе не умеют метать... так умело. Тебе надо хотя бы одеться по-другому, волосы спрятать. А уходить из города лучше всего тайно, ночью.

Бродяга открыл и закрыл рот. На скулах выступили красные пятна. Олег уже полагал, что смолчит, уйдет, сохраняя тайну, но тот вдруг заговорил быстро, захлебываясь словами:

– А я и таился!.. Но когда увидел, во что превращаюсь, это ж позор для воина! Уж лучше навстречу... лучше грудью! И будь то, что предначертано. Я не опозорю своего имени ни бегством, ни...

Он запнулся, глаза застыли. Олег повторил:

– Не хочешь – не говори.

– Меня зовут Скиф, – сказал бродяга с усилием. На лице Олега ничего не отразилось, и он сказал уже чуть свободнее: – В этих краях мое имя ничего не говорит... но есть и другие края.

Голос его впервые прозвучал гордо, с достоинством. Плечи раздвинулись, он выпрямился и стал чуть выше ростом. Олег ощутил, как в сердце дрогнула и отозвалась сладкой болью неведомая жилка. Вот откуда синие глаза Таргитая, черные волосы Миш, гордая стать Колоксая!

Глава 2

Все это годы он сам был занят Высоким: собрал самых могучих магов и основал Совет Семерых, который должен погасить все войны на земле, восстановить мир и справедливость, везде нести свет и правду, однако в его высокую башню доходили вести и о простых людях, которые не знают, что они – простые, ведь зовут себя тцарами, властителями, властелинами.

А также эти слухи догоняли его в скитаниях, находили на вершинах гор, с взрывами хохота долетали от костров, где веселятся воины, вкрадчивым шепотом вползали в уши во дворцах...

У Миш, как рассказывали редкие гости, от Колоксая родилось трое сынов: Агафирс, Гелон и Скиф. Все в отца силой и отвагой, все с детства не знали равных хоть в скачке на конях, хоть в борьбе, все росли красивыми и любимыми...

...но однажды до них дошел слух, что их доблестный отец умер не сам, а был отравлен их матерью. Неизвестно, как они отнеслись на самом деле, все скрыто за стенами дворца, но Гелон и Скиф ушли от матери, а единственного, кто остался, оскорбленная Миш объявила не просто наследником, а демонстративно передала всю власть над своей страной.

Агафирс, став правителем, тут же попытался восстановить с братьями дружбу. Гелон, который ушел на дикие земли и основал там город, названный соседями просто Гелоном, постепенно не то что простил мать, но с Агафирсом поддерживал почти дружеские отношения, хотя в прежних землях уже не появлялся.

И только самый младший, Скиф, не простил. Он исчез, никто его не видел в течении трех последних лет, хотя иногда возникали слухи, что видели убитым в таких-то землях, женатым на богатой купчихе – в других, спившимся и умершим от болезней – в третьих.

Сейчас Олег не снимал руки с седла, даже подобрался для прыжка в седло, но заколебался, повернулся и взглянул в синие глаза.

– И что же? – спросил он в упор. – Для бродяги, что скрывается от гнева Миш, ты слишком близко от ее земель. В самом деле прешь на погибель?

– Я иду к брату, – возразил Скиф. – Там Агафирс.

Олег покачал головой:

– Тебя встретит Миш.

– Она моя мать, – сказал Скиф, но в голосе прозвучала неуверенность.

– Ты в самом деле считаешь, – спросил Олег, – что эти трое пытались тебя убить из-за твоей драной рубахи... наверное, очень ценной?

Скиф нахмурился, непривычно черные брови на белом лице сдвинулись к переносице. Но в синих глазах сверкала прежняя непримиримая злость. Олег со вздохом забросил поводья на седло.

– Побудь с моим конем, – велел он. – Вы чем-то похожи. А я поговорю с хозяином.

Через полчаса они выехали с постоялого двора бок о бок. Под Скифом шел поджарый гнедой конь, а самого всадника Олег переодел в чистую одежду из выбеленного полотна. Скиф предпочел бы доспехи, пусть хоть из кожи, но Олег заметил, что надо лопать что дают. Хорошо, что хоть такое отыскалось. Зато для Скифа купил настоящий боевой топор. Слегка пощербленный, рукоять пора заменить, но все же не с голыми руками.

За ними в поводу двигался заводной конь. Справа и слева от седла колыхались мешки с необходимой в дороге мелочью и одеялами для ночевки под открытым небом.

Когда выехали из города и отъехали на три-четыре полета стрелы, Олег, прервав фразу, оглянулся. Во всей его фигуре была настороженность бывалого воина. Скиф невольно опустил

руку на рукоять топора. Новенькое седло вкусно заскрипело, когда он тоже развернулся всем корпусом.

Из ворот выехали две телеги, явно селяне отправились за лесом: кони тяжелые, медленные, но сильные, а также с десятков всадников. Эти на легких конях, без оружия, едут, не спеша переговариваются весело. Один толкнул соседа, тот едва не свалился. Остальные веселились, размахивали руками, Скиф рассмотрел их смеющиеся лица.

Олег покачал головой, лицо оставалось задумчивым. Скиф некоторое время ехал молча, но не в его характере долго держать что-то в себе, спросил:

– Тебя что-то тревожит?

– Да так, – ответил Олег хмуро. – Не люблю, когда подсматривают.

– Подсматривают?

– А ты любишь? – спросил Олег. – Вот ты думаешь, что никто тебя не видит, чешешься как свинья о дерево, ковыряешься в носу, достаешь оттуда жирную зеленую соплю... Убивал бы таких!

Скиф пугливо оглянулся, посмотрел по сторонам, вверх. В синем небе пронеслась стайка мелких птиц. Верещат, машут крохотными крылышками, затеяли драку совсем как люди. Посыпались крохотные перышки.

– За нами разве подглядывают?

– Еще как, – ответил Олег. – В корчме, потом во дворе, да сейчас... Они потому на легких конях и без оружия, что в бой и не думают. А без тяжелых мечей и доспехов за нами легче.

Скиф зябко передернул плечами. Оглянулся, но всадники далеко, постепенно отстают. В их сторону никто вроде бы не смотрит. Впрочем, даже если они двое скроются из вида, опытный следопыт отыщет следы и через месяц, если за это время не размоют ливни.

– Не знаю, – пробормотал он, – с чего вдруг... Столько лет не замечали, а теперь вдруг! А может быть, следят не за мной?

Олег не ответил, красные волосы под встречным ветерком трепетали, похожие на раздуваемое пламя горящего дома. Лицо его показалось Скифу выкованным из светлого, но невообразимо твердого металла. В зеленых глазах не бушевало пламя, но Скиф видел сильный ровный огонь, рассчитанный на очень долгое горение.

Он с внезапным холодком понял, что его слова, сказанные просто так, чтобы уколоть, могут оказаться страшноватой правдой.

Олег иногда подносил к глазам ладонь козырьком, защищая их от солнца, но Скифу всякий раз казалось, что этот рыжеволосый всматривается не в даль, а в то, что за далью, что зримо только богам и тем людям, что бывают равны богам.

– А кто ты? – спросил вдруг Скиф внезапно.

Олег устало пожал плечами.

– Тебе-то что?

– Да так, – ответил Скиф. Он подумал, что на самом деле у него хватает своих забот, жизнь висит на волоске, к черту этого бродягу в старой волчовке... но все-таки этот бродяга единственный человек, кто за последнее лето не пытался обжулить, обмануть, ограбить, обсчитывать в корчме. – Если я не всегда похож на простого бродягу, то ты – тем более. Мне все время кажется, что ты тоже от кого-то скрываешься, бежишь... Ты убил кого-то из знатных?... Или ограбил казну местного царька? От кого ты скрываешься?

– От себя, – ответил Олег.

Всего двадцать лет тому, мелькнула горькая мысль, ему удалось ценой непомерных усилий свести воедино шестеро самых могучих чародеев, колдунов и волшебников. До этого между ними шла ожесточенная война, что не прекращалась ни на минуту. Уговорами, лестью, хитростью, силой – но удалось! Двадцать лет правят не своими крохотными мирками... из которых самый крупный не больше мелкого племени горцев, а всем человечеством. Но почему

у него крепнет ощущение, что за эти двадцать лет счастья на земле вовсе не прибавилось? Может быть, даже стало меньше?

– От себя? – повторил Скиф непонимающе. – Это как? Что ты такое натворил?

– Я волхв, – ответил Олег горько. – Я всего лишь пытался сделать людей счастливыми.

Скиф широко распахнул глаза, став до щема в груди похожим на Таргитая.

– Как это?

– Ну, хотел, чтобы все жили справедливо и добродетельно.

В голосе волхва звучала неподдельная горечь. Скиф расхохотался:

– Вот оно что! Тогда понятно... Мой учитель говорил, что когда пробуешь людей сделать добрыми, мудрыми, свободными, воздержанными, великодушными, то неизбежно приходишь к желанию перебить их всех! Вот потому он и пил беспробудно, только бы его глаза этих людей не видели.

Олег кивнул.

– Может быть, он прав.

Скиф поинтересовался:

– А почему ты в одиночку? Странствующие всегда сбиваются в кучи. И безопаснее, и легче. Да и есть с кем словом перемолвиться.

Олег покосился на него полусонно, ответил равнодушно, но подозрительному Скифу почудились насмешка и намек разом:

– Если странствующий не встретит подобного себе или лучшего, пусть укрепитесь в одиночестве. С глупцом не бывает дружбы.

Скиф ощерился:

– А я в друзья и не набиваюсь!

Олег хмыкнул, открыл было рот, но посмотрел на Скифа, засмеялся и смолчал. Скиф сказал рассерженно:

– Ну, говори! Говори, что хотел сказать!

Олег усмехнулся, голос его стал тише, добрее:

– Лучше отказаться от острого словца, чем от друга. Возможного, только возможного друга.

Скиф жадно всматривался в простор, что начинался по ту сторону конских ушей. Места тянулись незаселенные, хотя земля здесь неплохая, стоило бы жить и возделывать.

Далеко-далеко справа, упираясь вершинами в небо, белели острыми вершинами горы, а слева, как он уже знал от Олега, небо подпирают вековые леса, тропок там нет, народ пробирается только по берегам рек, а дальше в низовьях эти леса часто прерываются топкими поймами, где кусты растут твердые как железо, злые. Ни конному, ни пешему не пробраться, зато зверю тут такое раздолье, что даже бывалые охотники вздыхают, рассказывая о сокровищах тех дебрей, трясин и непролазных зарослей.

Там туры ходят не по десятку голов, как привыкли видеть они в пути, а такими несметными стадами, что редкие счастливчики, кому удавалось их узреть, не могли даже приблизительно сказать, сколько же голов видели, а когда идет стадо свиней, то землю нельзя разглядеть на расстоянии двух-трех полетов стрелы. Медведи здесь живут сытые, огромные, ленивые, их не боятся даже козы, эти гиганты чаще всего лежат кверху пузом в зарослях дикого малинника, лакомятся, а через кусты осторожно пробираются остроухие волки, высматривают круторогих оленей, но нападают и на опасных лосей, что ударом переднего копыта нередко проламывают черепа нерасторопным охотникам.

Зато по суходолу с грозным гулом, от которого дрожит земля, проносятся грозные табуны диких коней, волшебных, дивных, с огненными хвостами и глазами лесных зверей. Реки выхо-

дят из берегов от обилия крупной рыбы, а сверху не всегда разглядишь воду из-за обилия уток, гусей и всего, что плавает, ныряет, ловит рыбу, крикает и гогочет, создавая свой мир, мир реки.

Когда огромное красное солнце приблизилось к темному краю земли, Олег повернул коня в небольшую рощу. Из-под корней самого могучего дуба выбивается родник, а по всей роще видны побелевшие, как старые кости, сухие ветки. Все еще погруженный в думы, Олег неторопливо спешил, начал расседлывать коня. Двигался он как муха на первом морозе, медленно и осторожно, едва не засыпая на ходу, но Скиф молчал, помнил, с какой скоростью этот красноголовый может поймать нож и швырнуть обратно.

Хворост сразу исчез в красных языках огня. Сухие прутья часто шелкали, словно мелкие камешки под копытами тяжелого коня. От перегретой за день земли тянуло сухим теплом. Олег сидел перед огнем, сгорбившись, как старик, что-то чертил прутиком на земле.

Скиф придиричиво осмотрел коней, пучком травы потер бока, стреножил, искал, чем бы еще заняться, но не нашел и, помывшись в ледяной воде, вернулся к костру.

Его красноголовый спутник поднял с земли засохший листок. Зеленые глаза всматривались долго и внимательно. Скифу почудилось, что Олег видит перед собой необъятную карту, по которой несутся конные войска, где горят города и веси, а в соседних землях ничего не подозревающие земледельцы убирают урожай.

Он не выдержал, спросил с насмешкой:

– Лечебная?

– Разрыв-траву, – ответил Олег все так же замедленно, словно засыпал или разговаривал еще с тремя невидимыми собеседниками, – называют еще спрыг-травой или скакун-травой... Когда засуха или что еще, она передвигается с места на место. Не так, как перекаати-поле, а медленнее...

– Как выюнок?

– Быстрее, – ответил Олег равнодушно, глаза смотрели уже не на траву, а в костер. Что-то видел, судя по том, как слегка поворачивались глазные яблоки, – быстрее... как жаба.

– Ну и что? – спросил Скиф уже раздраженно. – Сидеть среди поля и смотреть, вдруг какая трава поползет? Жизни не хватит! Это ж трава редкая?

– Редкая.

– Ну вот!

– Ее можно заметить издали, – пояснил Олег равнодушно. – Где она идет, там лопаются деревья... если наткнется, конечно. Даже камни – вщент, скалу в состоянии расколоть, если та окажется на дороге. Да и на тебя, если наползет спящего... гм...

За спинами раздался жуткий хруст. Скиф в испуге подпрыгнул, обернулся, рука на рукояти топора. Конь Олега выдвинулся из кустов, блеснули огромные зубы, бодро поедает молодые веточки. Так и кажется, что вот-вот схватит за плечо могучими челюстями.

Когда Скиф оглянулся во второй раз, ближайшие кусты уже словно ножом срезало, из земли торчат белые расщепленные прутья, а конь как ни в чем ни бывало сжирает соседний кустарник. Жрет, как траву, а то время как его конь, а у него хороший конь, деликатно срывает только самые сочные верхушки трав.

– Что у тебя за зверь? – пробормотал он. – Не понимаю.

– Конь? – переспросил Олег рассеянно. – Да так... Просто конь.

– Ничего себе просто! У меня не такой.

– Мы все не такие, – ответил Олег. – Мы все разные... Эх, как найти это счастье для всех! Одинаковое.

Он зачем-то перекладывал щепочки, сухие палочки, мелкие камешки. Скиф решил, что странный друг занимается колдовством, насторожился, колдунов никто не любит, но Олег, оказывается, просто строил преграды для ползущего червяка. Тот старательно выгибал спинку, полз, потом наткнулся головой на препятствие и, если прутик оказывался мал, переползал,

а если прутик оказывался выше, чем хотелось червяку, он разворачивался и полз в другую сторону, хотя с легкостью мог бы переползти и этот, ведь такие же точно червячки взбираются даже по дереву на самые вершины.

Скиф смотрел-смотрел, начал фыркать, тоже мне забава для взрослого сильного мужчины. Да еще для такого, который в состоянии поднять дубовую лавку и швырнуть через всю корчму! Не утерпел, поинтересовался:

– Что ты делаешь?

– Наблюдаю, – ответил Олег.

Он даже не повернул головы, пальцы на ощупь подобрали прутик потолще.

– За червяком?

– Да.

– А люди разве не интереснее?

– Есть общая основа, – ответил Олег кротко. – Мы все из одного и того же мяса. Да, все! Будь это жалкие червячки, гордые орлы, холодные рыбы или отважные и мудрые тцары. На всех нас одинаково действует солнце, дождь, холод... Всех нас одинаково тянет к женщинам, всеми нами владеют одинаковые страсти, все мы в дождь хотим спать, а весной нас всех одолевает бешеная страсть к размножению. На нас всех действует солнце на ясном небе и за тучами, нас подталкивают к неким движениям луна и звезды, нами руководит как затишье перед бурей, так и само посребурье... По червяку я могу предсказать и тебя.

Скиф отшатнулся. Олег раздвинул прутики, освобожденный червяк пополз в сторону деревьев, так и не поняв, что за высшая сила то мешала ему достичь цели, возможно – Высшей Цели, а потом вдруг вняла его молитвам или обетам и разом сняла все преграды.

– Это было оскорбление? – спросил Скиф с вызовом.

Олег поднял голову. Глаза такие удивленные, что Скифу стало стыдно. Однако волхв задумался, на лбу морщинки, сказал с некоторым удивлением:

– Оскорбление... Какое обыденное слово! И как часто люди прибегают к этим... оскорблениям. Странно, я за всю жизнь так никого и не... Не понимаю. Почему бы это?

Он умолк, на лбу морщины стали глубже. Скифу стало настолько не по себе, что снизу вдруг остро начали колоть сучья, от земли потянуло могильным холодом. Олег поднялся, нарубил веток, бросил у костра.

– Поспи. Сейчас ночи короткие.

Но сам остался сидеть у костра. Перед глазами все еще пресмыкалось жалкое тельце червячка. Неужели верно, как говорят старики, что если знать, когда и в какой час ты родился, то судьбу твою можно рассказать наперед?

Глава 3

Сквозь сон он услышал тревожное конское ржание. Мгновенно вскочил, топор в одной руке, вторая на ощупь искала несуществующий щит, сна уже ни в одном глазу, сердце колотится, нагнетая кровь в мускулы.

Рассвет осветил восточную часть неба, но темная земля такая же черная, какой была ночь. Олег приподнялся на локте, задумчиво смотрел в подернутые серым пеплом багровые угли. Скиф спросил зло:

- Чего твое животное ржет?
- Сюда едут, – сообщил Олег.
- Откуда знаешь?
- Сам послушай.

Зевая, он вытащил из-под головы походный мешок. Глаза Скифа округлились, когда красноголовый вытащил могучий лук, толстый, составной, блестящий от частого употребления.

Так же неспешно Олег выудил два темных мотка, брезгливо потыкал в них пальцем, один забросил обратно, второй размотал, накинуд петельку на рог, упер лук рогом в землю... так сперва показалось Скифу, но потом обнаружил, что упер в камень, и не зря, как оказалось. Лицо Олега покраснело, под волчовкой вздулись бугры, словно проступили каменные валуны.

Накинув петлю и на второй рог, он щелкнул пальцем по туго натянутой тетиве, прислушался.

- Гм, – сказал он разочарованно, – струна как струна! Не понимаю...
- Чего?
- Да как эти певцы различают?.. Я только и слышу, что одна громче, другая – тише...

Не торопясь, он высыпал из тулы стрелы. Скиф впервые видел такие длинные и толстые, больше похожие на короткие дротики. И только сейчас уловил быстро приближающийся стук копыт. В их сторону, судя по грохоту, несется не меньше десятка человек.

Скиф торопливо поймал коня, понял, что оседлать не успеет, беспомощно оглянулся на Олега.

- Может, в лес?
- Зачем?
- Всадникам там труднее.
- Да какой это лес, – ответил Олег брезгливо. – Насквозь все видно.

Из утреннего тумана вынырнули скачущие всадники. Конские тела блестели от пота, но еще ярче блестел меч в руке у каждого. Скиф посмотрел на их лица, и сердце дрогнуло. Олег посуровел, в зеленых глазах вспыхнула мрачная угроза, а пальцы нащупали стрелы. Похоже, успел подумать Скиф, красноголовому волхву тоже ясно, что этим не нужны ни рабы, ни пленники. Хотя такой мог понять как-то и по стуку копыт. Говорят, есть такие, могут рассказать по конскому топоту все, даже кто когда родился...

Скиф не успел подумать, что могут рассказать ветераны про него самого, в руках красноволосого на древко лука легла стрела с белым оперением. Звонко вжикнуло. Потом щелчки слились в непрерывный звон. Всадники налетели с поднятыми мечами. Скиф закричал, ярость ударила в голову, его метнуло навстречу, топор ударился о меч, звон еще не утих, а лезвие рассекло плоть, тело развернулось, топор отразил удар, снова звук рассекаемого мяса и хруст костей...

Страшно ржали кони, кричали люди. Вдруг лезвие его топора бесцельно рассекло воздух. Он едва не упал от удара, ощутил, что бешено вертится один среди трупов и двух умирающих

коней. Остальные кони отбежали, волоча поводья. На земле корчатся раненые, но больше тех, кто распластался или скрючился в неподвижности... Страшно пахнет горелым мясом.

Огляделся, не веря себе, глаза горят бешенством, кровь носится по телу, как заяц по комнате. Пространство вокруг костра в трупях, один рухнул на угли, горит одежда, а обгорелая плоть источает сизо-черный дымок.

Олег отшвырнул меч, весь по рукоять в крови. Лук в сторонке, стрел ни одной. Покачал головой, вместо меча подобрал топор и пошел высвобождать стрелы с дорогими наконечниками.

Скиф наконец проговорил с удивлением:

– Ровно десять человек!.. И ни один не ушел.

– Да, – согласился Олег. – А могли бы. Они на конях, мы – пешие.

У их ног раскинулся на спине, раскинув руки, красивый черноусый воин. Стрела торчала из правой глазницы. Скиф поежился, когда Олег попытался высвободить стрелу, та не поддавалась, тогда он хладнокровно расколол череп, выдернул стрелу и одним движением швырнул в родник.

– Да я не о том! – заорал Скиф ликующе. – Ты еще не понял?

– Чего?

– Да мы же их побили! Их было десятеро!.. А нас?

Олег буркнул:

– Их было всего десятеро.

Он перевернул на спину всадника, которого явно сразил первым. Тот лежал дальше всех, стрела ударила в горло, проломила кадык и сломала шейные позвонки. В отличие от других, был он немолод, без доспехов, а на поясе при движении зазвенели обереги, амулеты. На груди, тоже на цепочке блестит, затейливый амулет.

Олег пошарил в сумке, нахмурился, вытряхнул все на землю. Скиф с отвращением уставился на вырезанные из дерева и камня фигурки людей и животных, всякие блестящие камешки, связку высохших лапок лягушек, россыпь сорванных с покойников ногтей. Как всякий честный воин, он ненавидел и боялся колдунов.

– Странно, – произнес Олег.

– Что?

– Почему не воспользовался магией?

Скиф удивился:

– Когда бы успел? Ты ж его первым...

– Все равно, – заметил Олег. – Не понимаю.

– Да он просто ничего не успел!

– Должен был успеть, – сказал Олег трезво. – Это недолго. Как только увидел, что я натягиваю лук, должен был защиту... Это проще всего.

Скиф махнул рукой:

– Нашел над чем ломать голову! А то, что они совсем не собирались начинать с ругани, привычной брани, угроз, приказаний бросить оружие и стать покорно на колени? Им не нужны были ни рабы, ни пленники, они сразу неслись, чтобы нас убить!

– Да, – сказал Олег. Он ощутил, что отвлекается от чего-то важного, но решил вернуться позже, чтобы обдумать глубже. – Да, у них была ясная цель. Заранее обговоренная. Если пошаришь хорошенько по карманам, то узнаешь, во сколько нас оценили.

Скиф с энтузиазмом вытряхивал и карманы, и мешки, вскрывал даже седла, куда многие прячут золотые монеты. Когда он вытряхнул на землю все собранное, у Олега распахнулись глаза, он даже забыл, что собирался обдумать нечто важное.

– Кто-то очень тебя не любит, – сказал он пораженно. – Я б за тебя столько не дал!

Скиф сам с удивлением смотрел на горку золотых и серебряных монет. Наконец в глазах блеснула гордость.

– А почему и нет? Ты посмотри, эти десять наглицов разлеглись в собственной крови! Следующим должны заплатить больше!

Олег пробормотал:

– Странно, все-таки странно...

В глазах убитого колдуна застыл не ужас, что было бы естественно, а почему-то безмерное удивление.

Скиф сказал с нервным смешком и в то же время с гордостью:

– Не думал, что за мной пошлет... колдуна.

Олег смолчал. В груди растекался жуткий холод. Чтобы прихлопнуть комара – не бьют со всей дури дубиной. А Скиф для повелителей мира – еще меньше комара. Но вот он, Олег...

Олег принял как должное, что коней оседлал, а ему даже подвел сам тцарский сын. В седло взобрался с таким видом, словно с тяжелым мешком за плечами поднялся на тяжелую гору. Лицо хмурое, зеленые глаза потемнели. Если присмотреться, там, в глубине, двигаются тучи, поблескивают молнии, виден отблеск далеких пожаров.

По утренней прохладе кони пошли резво, игриво. Дорога постепенно понижалась, слева медленно начала вырастать из земли пологая и каменистая возвышенность, но так медленно, неспешно, что на нее не обращали внимания, пока не превратилась в нагромождение камней, скал, исполинских валунов, что дивным образом держатся друг на друге, образуя целые столбы.

Скиф все чаще посматривал на Олега, поинтересовался:

– Говорят, легче найти золотой самородок с конскую голову, чем хоть самую завалящую истину. Верно?

– Наверное...

– А ты находил?

– Самородки?

– Да нет, истины.

Олег горько усмехнулся:

– Пока только самые расхожие...

– Это какие?

– Ты их хорошо знаешь. Если голова болит, значит, она есть. Утро вечера дряннее. Человек может все, пока не начинает что-то делать... Достаточно?

Скиф кивнул.

– Да, для этого надо было стать мудрецом, чтобы такое изречь... Мне чудится, что дерешься ты все-таки лучше, чем мыслишь.

Олег промолчал, глаза были устремлены вверх конских ушей. Слева поднялась желтая, как медовые соты, гора. Скиф дивился: гора кажется слоеным пирогом. Только в пироге от силы три-пять слоев, а здесь сотни, и все так четко отделены друг от друга, что просто непонятно, зачем боги проделали такую дивную работу, а потом все бросили. А эта гора лишь кусок от слоеного пирога, срезанного грубо и небрежно, крошки осыпались на землю, но там, к счастью, ветер раздробил в пыль и разметал без следа, коням не помеха.

Стук копыт звонко отдавался в тиши. Гора нависала странная и загадочная, Скиф запрокидывал голову и напряженно всматривался. Чудилось, что едут либо внутри гигантского дупла окаменевшего дерева, либо вдоль гигантского разлома дерева. Те же слои волокон, те же трубочки, по которым вода поднимается из темных глубин до самых кончиков листьев. Даже запах почти древесный, только окаменевше-древесный, и страшно представить, какие жуки могут выползти из этого ствола...

Он зябко передернул плечами. Ветром кое-где на волокна забросило пыль, утренняя влага смочила, и вот уже упорная зелень вцепляется, пробует протиснуться в глубь трещин, расшатать, расширить нишу...

А вот дальше вообще каменный ствол покорежен исполинским, размером в три дворца куявского тцара, наплывом на этом странном дереве: кольца покручены, сдавлены, словно их внезапно завертел магический вихрь и так же внезапно покинул. Здесь даже гора крепче, камень не поддался ветру, палящему солнцу и морозам, зелень не вцепилась, не сумела.

А внизу ровная, как подметенный хорошей хозяйкой пол, земля. Если и встретится где упавший камень, то это один-единственный на версту чистой дороги. По спине Скифа пробежал озноб. Он спросил охрипшим от волнения голосом:

– Что это? Окаменевшая гора? Или гора, что пыталась стать городом?

Олег буркнул:

– Да, такое встречается. Старики говорят, что в таких жили... да и сейчас кое-где живут, подземные люди.

– Гномы?

– Да нет, просто подземные. Они из тех, кто пережил потоп, спрятавшись в горах. Не на горных вершинах, как другие, а внутри гор. Когда вода поднялась, они просто замуровали входы, вот и все.

– И там остались?

– Да нет, иногда выходят. В безлунные ночи. Им даже свет звезд кажется ярким. Им лучше всего в дождливые ночи.

Скиф сказал взволнованно:

– Да-да! Я столько о них слышал!.. Но увидеть бы хоть раз... Говорят, они знают все земные сокровища...

– Все никто не знает, – ответил Олег хладнокровно. – И вообще, это все басни про потоп. Нет, потоп, конечно же, был, но эти подземники вовсе не прятались от потопа. Они там уже давно. Просто когда первая женщина, Евой ее звали, купала в реке детей, бог пришел, поинтересовался, всех ли уже искупала, а ей стыдно стало признаться, что проспала и половину еще не выкупала, где-то в кустах играют, вот и брякнула, что да, всех! Вот, мол, посмотри, какие чистенькие да вымытые! Бог кивнул, сказал, так тому и быть, ушел. А она обнаружила, что у нее остались только те, которых она показала богу.

– А куда же делись остальные? Бог их убил?

– Да нет, я ж говорю, что от них и пошли те, что живут глубоко под землей.

Небо было густо-синее, непривычно яркое и насыщенное, но дальше к горизонту постепенно размывалось в голубизну, а над самой кромкой земли превращалось в почти белое. Скиф с трепетом в сердце смотрел, как в этой синеве гордо поднимается оранжевый замок-крепость, огромный, построенный на вершине горы, которая сама охотно стала продолжением замка: такая же оранжевая, прокаленная солнцем, с красиво выступающими ребрами скал, уступами и карнизами.

И не сразу волхв уверил его, что этот величественный и тщательно построенный и украшенный замок, с его сторожевыми башенками и выровненной зубчатой стеной, из-за которой так удобно стрелять из луков, – всего лишь любовная шутка ливней и ветра. Или же однажды боги начали строить это чудо, но так и не закончили. Замок снаружи – прекрасный замок, но внутри сплошная скала, там нет пустоты, чтобы поместиться даже муравью.

У молодых гор, подумал он, своя красота, гордая и слегка надменная, даже задиристая, зато старые горы, как вот эти, полны тайн, изрыты норами, а сами норы ведут в такие сказочные пещеры, что только рот распахиваешь от изумления: целые города с их высокими домами можно поместить в уголке таких пещер, а те и не заметят пришельцев.

Однажды, вспомнил он, как-то пробирался по такой пещере несколько недель, а она все не кончалась, переходила из одного сказочно прекрасного зала с блистающими самоцветами в стенах в другой, еще прекраснее, чудеснее, сказочнее... Когда он наконец выбрался на поверхность, яркий солнечный мир показался серым и бесцветным.

Скиф вздрогнул, когда Олег вдруг вышел из задумчивости и спросил обыденным тоном:

– А почему не вернешься в Артанию?

– Зачем?

– Но там... гм... твои наследственные земли.

Скиф помрачнел.

– Если бы, – вырвалось у него. – Была бы у меня мощь Артании, я бы пронесся с войском по землям Миш, вбил бы копытами в пыль все их жалкое войско!.. И самого Агафирса в придачу! Я бы... Я бы...

Олег поинтересовался:

– А что там случилось?

Скиф ответил зло:

– То, что и должно было случиться. Колоксай однажды ушел в странствия с каким-то бродягой-мудрецом... попался бы мне этот мудрец...

– И что бы? – полюбопытствовал Олег.

– Я бы выпустил из него все кишки и набил бы живот камнями! А кишки развесил бы на деревьях!.. Я бы его сжег живьем, отрубил голову, а потом бы повесил!.. Словом, Колоксай оставил вместо себя верного человека, Миротворца. Тот правил мудро, а трон хранил за Колоксаем, ждал его возвращения. Но Колоксаю все не было, а Миротворца однажды серьезно ранили... Да нет, не в пьяном застолье. Его Миротворцем прозвали потому, что после того, как он пройдет где со своим огромным топором, там сразу становилось тихо и мирно... Он даже расширил Артанию почти вдвое. Но рана оказалась чересчур тяжелой...

Олег догадался:

– Наследники?

– Да, – прорычал Скиф с ненавистью. – У Миротворца было семь сыновей! Как они еще не передрались, ума не приложу. Наверное, умирающий отец как-то сумел этих шакалов усмирить. В общем, теперь там правит старший. Братья присягнули в верности... Словом, там теперь другие правители. Артания – это моя другая боль. Когда-то надо будет вернуть себе эти земли.

Некоторое время ехали молча. У Олега на лбу собрались морщинки, а когда заговорил, в голосе звучало напряжение, словно решалась судьба мира:

– А что для тебя важнее? Отомстить за гибель отца или вернуть Артанию? Хотя, если честно, на Артанию точно такие же права у Агафирса с Гелоном.

Скиф зарычал:

– Никаких прав!.. Ну и что, если они тоже сыновья Колоксаю? Только я верен памяти отца, только я взялся отомстить за его подлое убийство! Не говоря уже о том, что у Агафирса есть земли Миш, а у Гелона – целая Гелония!.. Моя Артания, только моя!.. Никому не отдам, а кто лишь посмотрит в ее сторону – глотку разорву!

Он поперхнулся от душившей его ненависти. Олег с трудом оторвал взгляд от красного, как железо, в горне лица. Еще одна загадка... Почему люди все-таки готовы вылезти из теплого угла и пойти совершать дело, от которого ничего, кроме неприятностей? Поняв это, можно двигать целыми народами...

Глава 4

Он помнил, что крохотная и неприметная страна Миш как-то незаметно стала могучей и свирепой. Агафирс велел заменить нелепые мечи на топоры, он сам выковал первый боевой образец, опробовал в схватках, а затем вооружил всю конницу. Его войско тоже стали называть народом боевых топоров. Сам народ на севере занимался хлебопашеством, а в южной части гоняли стада, там Агафирс из кочевников создал крепкие конные отряды, а потом и часть землепашцев посадил на коней.

Последних сделал ядром, ибо тяжелые рослые кони землепашцев не годились для набегов, зато об их сплоченные отряды, как волна о берег, разбивалась легкая конница противника. Когда бой закипал, тогда снова налетала своя легкоконная, разили издали стрелами, а затем приходил черед знаменитых топоров, из-за которых вскоре всю страну Миш, а потом Агафирсию начала называть страной боевых топоров.

За короткий срок он разгромил все мелкие княжества, казнил удельных владык, а в крепостях поставил своих людей, к ним же приставил тайных соглядатаев. Так, по крайней мере, говорили о нем, во всяком случае, его власть выглядела незыблемой, но сам он не проводил время в молодецких забавах, на пирах да соколиной охоте, как ожидали от молодого сильного тцара.

При имени Агафирс у всякого перед глазами вставало зрелище горящих городов, звучали крики, звон железа, стук стрел, дикое ржание боевых коней.

И вот теперь, судя по всему, Скифу придется перейти дорогу грозному Агафирсу...

Солнце, за день пути превращаясь из раскаленного оранжевого комка металла в огромный багровый шар, медленно опускалось к краю земли. Кони ступали медленно, Скиф клевал носом, иногда наклонялся так низко, что тыкался лицом в конскую гриву. Воздух был неподвижный, тихий, пахло сочными травами, цветами, а толстые шмели все еще бороздили с грозным гулом теплый и густой, как парное молоко, воздух.

Олег посматривал на этот странный багровый шар, снова и снова замечал на нем пятна, похожие на ржавчину, видел сияющие выступы... или это огненные вихрики? Заходящее солнце чем-то похоже на полную луну, но с той лишь разницей, что на луне всегда можно рассмотреть эти пятна, а на солнце утром или днем в упор не согласишься, как смотрит он сейчас...

Сердце тревожно и радостно стукнуло. Он еще не понял, в чем дело, но сонные медленные мысли, что похожи на лениво плывущие облака в спокойном небе, задвигались хаотично, как головастики в теплой воде, стараясь не упустить мелькнувшую лакомую добычу. Ну, ну, хватай ускользающую мысль, все важные мысли почему-то ускользают, а ленивые и тупые лежат под ногами, натыкаешься то и дело... Итак, утром солнце поднимается как белый раскаленный комок металла, только что вынутый из небесной кузницы, затем постепенно начинает остывать, зато нагревается внизу земля, солнце же становится оранжевым...

Дальше, сказал он себе, дальше! А дальше, подсказала услужливая мысль, солнце остывает еще и еще, становясь красным. Ага, красным. Затем к вечеру уже совсем багровое, как всякое остывающее железо... Так-так, тащи мысль дальше: когда остынет еще, то и багровость уйдет... солнце станет черным! И вот оно, не останавливаясь, пойдет через страшный подземный мир, пойдет черное и страшное, пойдет в другую сторону, пойдет, пойдет, уже с запада на восток пойдет...

Скиф прислушался, сказал с беспокойством:

— За нами погоня!

Олег, раздраженный, что глупую мысль никто и никогда не прерывает, хотя глупые мысли так и лезут, зато умную перебьет всякий, буркнул:

– Да.

– Что «да»?

– Погоня, да.

Скиф посмотрел с подозрением в неподвижное лицо этого странного человека.

– Тебя это не тревожит?

Олег рассерженно проворчал:

– Зачем беспокоиться по мелочам? Есть дела поважнее. Мой чалый что-то прихрамывает. То ли ногу сбил, то ли колючка... Как думаешь?

– Прикидывается, – ответил Скиф зло. – Я и то заметил, что у тебя конь – хитрюга. Ты на звезды смотришь очень часто, а что под тобой – хоть иногда замечешь?

– Подо мной седло, – ответил Олег рассеянно. Он коснулся пальцами луки седла. – Это седло...

Скиф с подозрением всматривался в его лицо, но странный человек в самом деле углубился в думы, будто погоня и не погоня вовсе, а так, пустячок вроде каркающей вороны. На самом же деле в том отряде, судя по облачку пыли, не меньше чем полсотни человек.

Они проехали в прохладной тени высокой горы, тут же опалило зноем, а впереди показалась еще одна роща. Скиф оживился, чутье подсказывает, что там обязательно родник с ледяной водой, а под теми старыми деревьями полно сухих веток, можно сразу костер, зайцев освежевать, и на угли...

Едва слышный конский топот стегнул по нервам, как пучком крапивы. Он подобрал поводья, оглянулся, но придвинувшаяся гора скрыла облако пыли. А спереди... из-за рощи выметнулся с десятков всадников на легких конях.

Всадники неслись весело, наперегонки. Сперва не усмотрели бредущих шагом двух всадников, но передний вскрикнул, указал в их сторону плетью. Скиф видел, как все слаженно повернули коней.

Он зарычал, потащил из петли боевой топор. Под темной от солнца кожей прокатились шары мускулов, плечи раздвинулись, а руки прямо на глазах стали вдвое толще.

– Вот теперь мы им покажем!

– Их всего-то ничего, – обронил Олег равнодушно.

Скиф подбросил топор, тот блеснул в воздухе блестящим лезвием, дважды перекувырнулся и, как в мокрую глину, влип в широкую ладонь хозяина. Скиф хищно оскалил зубы, глаза уже выбирают, кого разрубить молодецким ударом, кого сорвать с седла, кого сбить конем...

Олег поморщился: все эти дурацкие махания мечами и топорами – ничто. В его сумке магический жезл, которым он не пользовался уже сколько лет, этот жезл способен смести с лица земли целую армию. Даже в руках простого мага сметет, а ему так и вовсе достаточно сделать движение дланью. А то и двумя пальцами. Можно даже одним, неспешно, этот горячий воин даже не поймет, что случилось и почему десяток сильных и здоровых головорезов превратились в жаб, в сухие листья, просто в пыль, что тут же развеется под ударом ветра.

Скиф начал выдвигаться вперед. Олег остановил его брезгливым движением:

– Погоди.

Скиф посмотрел на него с недоверием.

– Там их десяток... нет, даже пятнадцать человек!

– Да какая разница, – ответил Олег усталым и злым голосом, ведь мысль все-таки ускользнула, а додумался или почти додумался до чего-то очень важного.

– Десять или пятнадцать?

– Да хоть сотня, – ответил Олег.

– Так доставай же лук! – закричал Скиф.

– Лук? – удивился Олег.

Всадники неслись в их сторону, как стая волков, загоняющих двух туповатых оленей. Трое нацелились прямо на рыжеволосого, что впереди, еще один держал взглядом Скифа, а остальные ушли в стороны, наддали, стараясь замкнуть кольцо до того, как сшибутся передние.

Олег поднял руку, сказал Слово. На лицах всадников он рассмотрел злобные усмешки. Кони несутся все так же галопом, из-под копыт выстреливают струйки желтой, как золото, пыли, вылетают мелкие камешки. Олег повторил Слово, дополнил жестом. Всадники даже не заметили страшного удара, который должен был смести их с лица земли, несутся все так же, а в руках, сжимающих мечи, теперь появились арканы.

Олег в тревоге сказал Слово вслух, громко, собрал в кулак волю и метнул навстречу всадникам. Кони мчались, как стадо огромных кабанов, Олег с непониманием смотрел на злые торжествующие лица...

Скиф заорал за спиной:

– Да хватайся же хоть за палку!

Олег увидел оскаленные конские морды, перекошенные злобные лица всадников, торжествующие. Успел выкрикнуть Злое Слово, обеими руками ухватил пространство и отшвырнул от себя. Раздался грохот, блеснуло синее небо, страшно ржали кони, в голове был грохот, лавина падающих камней...

Над ним стремительно поплыло небо с мелкими облачками. По бокам неслись блестящие от пота конские тела. Копыта бьют в землю совсем близко от его лица, забрасывают комьями сухой земли, а во всем теле боль, что растет и растет...

В голове гудело, мысли сталкивались угловатыми комьями. Он наконец сообразил, что тугая петля аркана захлестнула его поперек груди, прижав и локти. Сейчас его тащат как бревно за скачущими конями. Снизу больно бьют все бугорки, неровности, пыль забила легкие, в горле саднит. Позади отдаляются крики, дикое ржание и звон железа.

Волчовка на спине разогрелась. Его тащили с такой скоростью, что он иногда взлетал на воздух и тогда ударялся с такой силой, что кости трещали, а обрывки мыслей слипались в тугой вязкий ком. Всадники на скаку перекрикивались, Олег видел, что в его сторону никто не метнет и взгляда: дело сделано, никуда не денется.

Его волочило как бревно. Он отчаянно задирает голову, чтобы не снести кожу о твердую сухую землю, в черепе как будто работал камнедробилка: грохот, стреляет острыми осколками, а в груди холодное отчаяние: почему же так вдруг подвела магия, ведь так просто смести нападающих единым словом!

Дважды его подбрасывало, переворачивался на грудь, снова изо всех сил задирает голову, едва не ломая шейные позвонки, чтобы не волочиться лицом по твердой сухой земле, начинал отчаянно извиваться, снова переворачивался на спину.

Мелькнула мысль, что можно бы попытаться что-то сделать, Мрак на его месте уже нашел бы способ, как освободиться, а потом и перебить всех этих на конях голыми руками, а он хоть и не Мрак, но долго шел рядом с Мраком, чему-то да научился...

Но отчаяние от непонятного поражения, страх, недоумение, и он сделал первую жалкую попытку как-то начинать освобождаться без магии, когда стук копыт стал тише, его уже не подбрасывало так, что пролетал по воздуху и падал на землю далеко от того места, где взлетел...

Кони остановились. Один всадник соскочил, легко перехватил ножом веревку, стягивающую руки и плечи пленника, рывком заставил подняться. Олег встал, перед глазами плыло, качалось, его тошнило.

– Здоровый, – сказал всадник оценивающе. – Смотри, какие мышцы!... Явно уже ломал камни.

– А где второй? – донесся из-за спины другой голос.

– Тащат... Тот из воинов. Если этот явно топора в руках не держал, даже плотницкого, то второй крепкий орешек! Если бы не молотом со спины, то не знаю, не знаю... Троих успел, гад... И покалечил двоих. Я б его на месте кончил, если бы не строгий наказ Хозяина.

– Ты что? – сказал первый испуганно. – Даже думать о таком не смей! Это мы можем гибнуть, но не рабы!

Избитое о дорогу тело стонало и ныло. В боку при каждом вздохе остро кололо. Сердце захлебывалось кровью, булькало. Его трясло, а ноги, напротив, одеревенели и превратились в две неподвижные колоды.

Всадники гоготали, смотрели презрительно, но вражды на их лицах он не видел. Смотрят как на очередную дикую козу, пойманную в степи. Похоже, это не те, которые следили за ними. Даже так: убегая от одних, угодили в лапы к другим. Но этим нужны только пленники. Даже не пленники, а рабы для каких-то работ...

Застучали копыта. Трое всадников приволокли Скифа. Тот уже почти ухитрился освободиться от петли, а едва всадники остановились, вскочил на ноги: яростный, озверевший, с безумием в глазах...

Олег вскрикнул:

– Скиф!.. Я здесь. Не двигайся.

Всадники в самом деле уже занесли мечи над головой буйного пленника. Скиф затравленно огляделся. На него смотрели оценивающе, как на молодого быка, которого удалось поймать в дикой степи, но еще не решили, приучать ли к ярму или же пустить на мясо.

– Не двигайся, – повторил Олег. – Эти люди не собираются нас убивать. Понял? Не собираются!

Скиф шумно вздохнул, выдохнул. Глаза все еще оставались налитыми кровью, но удержался от прыжка на ближайшего всадника, взгляд упал на Олега.

– И что теперь?

Один из всадников гоготнул, другой вытащил плетъ, но кто-то вскрикнул встревоженно:

– Мигарт едет! Мигарт!

Все подобралось, посерьезнели. Вскоре прискакали еще двое: пожилой мужчина в богатой одежде, за ним юноша с огромным щитом за плечами. Пожилой с ходу окинул пленников оценивающим взглядом.

– Только двое?.. Маловато.

– Дороги пустые, – ответил один из всадников смиренно. – Наш край уже начали избегать! Слухи идут быстро... Эти две вороны явно чужедальние.

Мигарт поинтересовался:

– Как захватили?

– Этот вот, который рыжий, стоял и молился. А второй оказался чистым зверем! Прости, я едва не зарубил его на месте... Он троих уложил сразу. Если бы не метнули молот в спину... то не знаю, не знаю...

Мигарт еще раз оглядел обоих, распорядился:

– Черного – в железо! И руки, и ноги. Рыжего... нет, рыжего не надо. Раз молился, значит – трус. Такие не опасны.

Он повернул коня и ускакал. Юноша унесся следом. Всадники перевели дух, один сказал дрожащим голосом:

– Я уж думал, что и нас камни ломать... За то, что троих потеряли.

– Да разве Хозяину нужны наши жизни, – буркнул второй.

– Ш-ш-ш-ш, – сказал третий предостерегающе.

Олег видел, как все испуганно переглянулись и даже пригнули головы к конским гривам, словно некто огромный, могущественный мог услышать. Старший из всадников указал на Скифа плетью.

– За этим, – прозвучал его злой голос, – смотреть особо... Связать им руки.

– Скиф, – сказал Олег настойчиво, – не противься. Не противься, понял?

Скиф глухо рычал, когда ему заломили руки за спину, Олег видел, каких трудов стоило молодому гордецу покориться, позволить вязать себя, как животное. А Скифа в самом деле связали туго, жестко, как вязали бы дикого, только что пойманного лесного быка.

Потом обоим снова набросили веревки на шеи. Двое взяли концы в руки, остальные повернули коней, Олег услышал удаляющийся стук копыт.

– Не противься, – повторил Олег. – Только не противься...

Веревка натянулась, он задохнулся, вынужденно побежал за всадником.

Земля качалась, подошвы глухо и часто били в сухую, выжженную солнцем землю. Перед глазами плыло, едкий пот выедал глаза, а впереди в тумане мелькал конский зад с развевающимся хвостом.

Губы пересохли и полопались, но он продолжал шептать заклятия. Слова выходили торопливые, рваные, он сбивался и начинал сначала. Глаза следили то за всадниками, что должны пасть мертвыми, то за проплывающей мимо скалой, откуда посыплется камни...

Даже выйдя из Леса, он не чувствовал себя таким испуганным и беспомощным. Тогда был просто слаб и неопытен, а теперь за десяток лет привык к своей мощи мага. Если одним словом мог расколоть вот эту гору... то не захмелеет ли от осознания своей мощи любой человек?

Он не захмелел. И почти не пользовался магией, инстинктивно чувствуя, что перестанет понимать тех, кому стремится помочь. Но знал, что в любой момент, стоит только произнести Слово или шевельнуть пальцем... И с этим ощущением силы он странствовал один через самые опасные места, где разбойники, чудовища, гиблые топи... И вот сейчас как улитка на холодном ветру, с которой внезапно содрали панцирь!

В черепе стучало, а когда он с разбегу ударился лицом о твердое и горячее, не сразу понял, что конь уже остановился, всадников прибавилось, стоят полукругом, а в середине десятка два оборванных, избитых, испуганных мужчин разного возраста, дрожащих и, как и он, ничего не понимающих.

Скиф хрипло и часто дышал рядом. Олег поднял связанные руки, кое-как вытер пот с лица. Скиф приблизился, прорычал негромко:

– Что случилось? Тебя околдовали, что ли?

– Пока ничего не знаю, – прошептал Олег.

– У тебя вид был таков, – прорычал Скиф еще тише, – будто собираешься колдовать!

Олег пробормотал:

– Да что ты, что ты... Как мог такое на меня...

В голову стучало как молотками, а в груди разрасталась едкая боль. А что теперь? Что теперь? Можно еще раз в тупом отчаянии перебрать все заклятия, какие знает. Но уже пробовал все, вплоть до самого первого, самого простого, какому обучился: тряхнуть землей так, что лопнет, пойдет трещинами, а из недр выметнется горячий дым и адское пламя...

Всадник прокричал:

– Слушайте все!.. Отныне ваши жизни в наших руках. Если хотите жить, трудитесь!.. Сейчас вас отведут в каменоломню. Кто попытается бежать по дороге...

Он зловеще улыбнулся, показав желтые крупные зубы, медленно потянул из ножен меч. Скиф повесил голову, плечи тоже обвисли. Олег мрачно косился по сторонам. Да бежать и невозможно: два десятка хорошо вооруженных всадников по обе стороны связанных пленников. Мечи в ножнах, но короткие копы с длинными, острыми как ножи лезвиями из рук не выпускают.

Окрики, пинки, а одного, который шатался и едва передвигал ногами, замедляя движение остальных, зарубили зверски и жестоко. Тело расчленили, а окровавленные куски разбросали по сторонам, где на ветвях в ожидании уже застыли толстые, разжиревшие вороны. Скиф скрипел зубами, Олег прошептал, что это сделано намеренно, посмотри на других.

Пленные в самом деле поникли. Если у кого и была мысль о сопротивлении или побеге, то сейчас все брели покорно, как овцы.

Глава 5

Земля под ногами стала твердой, каменистой. Слева все выше и выше гора, сперва пологая, затем выпрямилась, вздыбилась почти вертикально, как крепостная стена, обнаженный гранит блестит красноватым, с красивыми оранжевыми прожилками.

Еще одна гора приблизилась справа. В конце они вошли в ущелье, где стены вздымались до облаков, а сами одна от другой на расстоянии хорошего броска дротика. У основания правой стены зияет широкая темная нора. В нее вошла бы бок-о-бок пара груженных верблюдов. Справа от норы лепятся темные здания, тоже из камня, но грубого, необработанного. Почти из каждого поднимается дым, Олег узнал кузницы, плавильни. У входа в каменоломню костры. С десятков воинов едят, пьют, бросают кости. Двое, с оружием в руках, стоят у входа и прислушиваются к звукам изнутри.

Долгий подъем в гору измучил пленников, все хрипели, задыхались, от всех несло тяжелым потом. По одному их освобождали от веревок и тяжелого дерева. Олег видел, как из темной норы появляются огромные и чудовищно толстые руки надсмотрщиков, хватают прибывших пленников.

Олег остановился, задрал голову. Красная с желтым каменная стена изъедена дырами, словно гигантский червь прогрыз еще три десятка нор, все близко одна к другой, все в одном годовом поясе...

Срез горы удивительно похож на срез дерева, но в дереве по кругу, словно побежали волны от брошенного в середину камня и вдруг застыли. В дереве кольца не соединяются и не сливаются, здесь тоже полосы не сливаются, но вытянуты в линии, словно гора растет, как и дерево, добавляя слои с каждым годом... ну, пусть с каждым столетием или тысячелетием. Горы живут дольше... наверное.

Рядом звучали голоса, крики, звон металла, а он повернулся, всматривался в гору напротив. Эта стена, напротив, совершенно ровная, без всяких годовых колец, словно в этот промежуток выдался очень урожайный год и гора выросла быстро, за раз. Олегу почудилось в тенях на стене нечто странное, присмотрелся, зябко повел плечами.

На стене выдолблены призрачные тени, белые, а кое-где подмалеванные охрой, великанские тени существ. Их бы назвать людьми... если бы не рост, превосходящий человеческий раз в десять, и не головы, что даже для таких гигантов чересчур великоваты, по ширине вровень с плечами...

– Кто рисовал? – прошептал он. – Древние боги?... Люди, которые жили в древние времена?

Скиф сказал злобно:

– Тебе больше не о чем больше беспокоиться?

Олег вздрогнул, сказал виновато:

– Да, есть у меня такая дурь. То трясусь как заяц, то вовсе забываю про беду.

– Безумный, – определил Скиф.

– Да нет, как раз ум и мешает...

К ним приблизился толстый страж с ножом в руках. Олег его не видел, засмотрелся на огромную дыру, что, если присмотреться, вовсе пронзила гору насквозь. Далеко на той стороне виднелись зеленые поля, даже заметил, как прошло стадо коров и скрылось за краем.

Страж начал резать веревку у него на руках. Олег вздрогнул, оглянулся. Страж зарычал злобно.

– Какой проход пробил ваш хозяин, – сказал Олег уважительно. – Очень удобно. Не надо в обход...

Страж прорычал злобно:

– Ты совсем дурак?.. Разве такое в состоянии вершить руки людские?

– Да, но... – пробормотал Олег и умолк.

Дрожь пробежала по спине. Исполинский туннель, внутри которого могли бы поместиться великолепные дворцы, находится вовсе не у основания горы, куда можно подъехать на телегах, а так, как если бы пять-шесть человек встали друг другу на плечи. Последний мог бы дотянуться кончиками пальцев до края этой удивительно ровной, с гладко отесанными внутри стенками.

– И какой чародей это сделал? – прошептал он в благоговейном страхе.

Страж пожал плечами.

– Говорят, так было всегда. Еще до того, как сюда притопали первые люди. Но кто-то ж сделал... Не само же!.. Но кто, этого уже не узнают даже мудрецы... Давай вон к кузнице! Да пошевеливайся.

Олег все озибался на дивные горы, почти не замечал, что с ним делают, а Скиф совсем упал духом, когда в кузнице с них сняли веревки, а взамен повесили тяжелые цепи. Если веревку надеялся перетереть о камни, то как избавиться от цепей из черной бронзы? Зыркнул угрюмо по сторонам, но пока он был уже без веревок, но еще без цепей, в его ребра напоминающе кололи сразу три копыя.

Их втокнули в нору, в глазах после яркого света потемнело. Из сумрака вынырнул огромный толстый надсмотрщик, проревел свирепо:

– Берите кирки, лопаты – быстро!.. Нет, вы двое берите молоты!

В углу пещеры заметили груды молотов, кирок, лопат. Новых почти нет, все явно после бедолаг, которых вынесли отсюда трупами. Олег взял молот, цепи громыхали и мешали двигаться, надсмотрщик толкнул в спину.

Их заталкивали по длинному широкому ходу, в нишах жарко горят масляные светильники. По дороге встретили худого старика, что подливал бараний жир. Опускались ниже, воздух становился тяжелее и жарче, пропитанный запахами пота, гари, копоти.

Ход нигде не сужался, напротив – стены все больше расходились в стороны. Впереди появился свет от множества факелов: красноватый, чадный, а запах горящего дерева стал мощнее. Все громче и громче удары молотов по металлу: вгоняют клинья в щели, стук кирок, наконец оба услышали негромкое звяканье цепей.

В исполинской штольне гремели кирками и молотами не меньше полусотни людей. В набедренных повязках, только пятеро сохранили штаны и обувь, исполосованные плетью спины, тяжелое дыхание...

Олег услышал свист рассекаемого воздуха, затем смачный щелчок плети по голому телу, болезненный вскрик. Тяжело дышали даже надсмотрщики: воздух жаркий, влажный, спертый, а из груди каждого раба дыхание вырывается частое и хриплое.

К ним приблизился, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, тучный коренастый человек, поперек себя шире, голый до пояса, грудь и лицо в безобразных шрамах.

– Ого, – просипел он, – крепкие... Я вас поставлю в самый дальний угол. Кирки оставьте. Ваши руки для молотов.

Ни один из работающих не оглянулся, хотя их вели вдоль длинного ряда. Глаза совсем привыкли, Олег рассмотрел не только широкие полосы на спинах, оставшиеся от плети, но и шрамы на боках, некоторые – со свежей запекшейся кровью, от тычков остриями копий.

Сама пещера огромная, просто исполинская, но Олег ощутил, что совсем недавно здесь был сплошной камень. Всю эту пещеру сотворили руки людские.

Надсмотрщик указал на одного тощего раба.

– Вот он сверлит дырки в камне. Вы будете вставлять клинья в щели, понятно?.. И – бить, бить, бить... пока плита не отколется.

Скиф молчал, Олег сказал:

– Да, мы все поняли... хозяин.

Надсмотрщик хрюкнул, польщенный, но предупредил, уходя:

– Если будете отлынивать – узнаете мою плеть!.. Снова начнете что-то затевать – у меня есть и острое копьё.

Когда надсмотрщик ударился, Олег с молотом в руках осмотрелся с мрачным любопытством.

– Вот как добывают камень?..

– Да зачем это тебе? – прошептал Скиф.

– Буду знать. Знание – сила.

– Много тебе помогли твои знания, – прошипел Скиф. – А вот хороший удар топора никогда не подводит.

Олег прошептал убито:

– Ты прав. Но почему-то кажется, что я уже бывал в этой каменоломне... Или это еще буду?

– Ты сперва из этой выберись!

– Чтоб в другую попасть?.. Ну почему у меня такое странное видение, непонятно...

Полдня работали, чувствуя, как за спиной то и дело появляется надсмотрщик. Затем, убедившись, что с новыми рабами хлопот нет, надсмотрщик исчез. Олег с трудом разогнул ноющую спину, глаза его расширились, он задрал голову, ошеломленно посмотрел по сторонам.

– Этого, – прошептал он потрясенно, – просто не может быть...

Скиф прорычал раздраженно:

– Чего?

– Это же... это не камень!

Перед ними, от пола и до уходящего во тьму свода, истекала кровью разрубленная пополам гигантская печень неведомого зверя, что должен был рогами царапать небо. Красная с багровым плоть, темно-багровые сосудики с кровью, тонкие беловатые жилки, вся стена – эта разрубленная печень, что застыла на миг, но вот сейчас всколыхнется, потоки горячей дымящейся крови хлынут, зальют, затопят...

Ему показалось, что он вот-вот сможет назвать породу зверя, ведь еще в детстве помогал взрослым разделять лосей, оленей, кабанов, медведей, а это настолько знакомое, настолько щемяще узнаваемое, только невероятно огромное, вот он хорошо помнит, что вот тут нежнее, а ближе к тому края начнут встречаться жилки, все толще и толще, зато с этой стороны просто тает во рту...

Глаза давно привыкли к полумраку. Он начал присматриваться к рабам, что сверлили дырки в стене, быстро сделал неслышный шаг к одному, прошептал, едва слышно:

– Эй, ты кто?

Рослый, исхудавший, как скелет, мужчина с трудом поворачивал тускло поблескивающее сверло. Олег слышал хриплое дыхание, скрип металла о камень, затем донесся хриплый голос, раб старался даже не двигать губами.

– Я здесь уже месяц. Долше здесь и не живут... Меня зовут Ширвак.

– Почему такие громадные плиты? – спросил Олег. – Глупо возиться с настолько огромными... Хоть на крепость, хоть на дворец – проще откалывать впятеро мельче.

Раб покачал головой:

– Говорят, владыка этих земель замыслил нечто особенное.

Скиф толкнул Олега, прошипел зло:

– О чем спрашиваешь, безумец?.. Я тут и трех дней не выдержу. Ответь нам, человек, как отсюда вырваться?

В их сторону направился надсмотрщик. Олег чувствовал, как тот остановился сзади, запах как от вонючей гиены. Потом вонь ушла в сторону, но уstraшенный Ширвак продолжал сверлить гранитную глыбу молча.

Рядом Скиф с такой силой обрушивал молот на расклепанную головку клина, что та вздрагивала и оплывала, как тающая свеча. От ударов вздрагивал пол. Олег хотел сказать, чтобы так не усердствовал, но взглянул на сильные молодые мышцы, смолчал. Пусть, пока силы много. Наверняка представляет, что это он по их головам...

Рабы поглядывали на новеньких, но все работали молча. К концу долгого рабочего дня плети все чаще рассекали воздух, слышались шлепки, вскрики. Некоторые на удары плетей не реагировали, их кололи под ребра копьями. Один вообще выронил кирку, шатался, руки его уперлись в стену.

Надсмотрщик подошел, рука деловито вытащила нож. Олег с отвращением увидел, как другой рукой надсмотрщик схватил несчастного за волосы, задрал голову. Блеснул нож, из перерезанного горла со свистом вырвался воздух, а из рассеченной артерии тонкой струйкой брызнула кровь.

Тело забросили на глыбы гранита помельче, а сами плиты вытащили волоком. Олег чувствовал, что в голове уже мутится, пот заливает глаза, щиплет, как сквозь тяжелый ядовитый туман донесся вопль надсмотрщика:

– Все!.. На сегодня хватит!.. Все к выходу, черви!

Рядом выронил молот Скиф. Его шатало, из груди вырывались клекот, хрипы, а на губах вздувались серые пузыри. Лицо превратилось в серую маску из пота и гранитной пыли. Везде звякали цепи, серые согбенные тени поспешно двигались в сторону выхода.

С каждым шагом воздух становился чище и прохладнее. Рядом торопился, вскрикивал Скиф. На выходе из горы Олег ощутил, как грудь жадно раздулась, захватывая воздуха как можно больше.

Ночь, на темном небе звезды, стражи у костров жарят оленей, туши целиком поворачиваются на вертелах над жарко полыхающими углями. Пахнет жареное мясо одуряюще, а когда капли жира срываются с туш и падают на угли, там шипит, оттуда выстреливают синие дымки, запах бьет, как молотом по голове...

Он глотал голодную слюну, Скиф вскрикивал, шептал проклятия. Их загнали в длинное каменное здание, человек двадцать, велели сесть, только тогда принесли еду: три широких чана, где в гнусной похлебке плавают вроде бы ломтики мяса. Не то жаб, не то крыс.

– Жри, – велел Олег.

– Я-то жру, – прошептал Скиф. – У меня нет на еду запретов.

– На еду и у меня нет...

Надсмотрщик рыкнул:

– Молчать!.. Вы здесь только для того, чтобы ломать камень для Господина. Разговаривают только люди, а рабы – мычат!

На ночь рабов приковали к крюкам, вмурованным в стену. Едва стражи ушли, Скиф попробовал крепость цепей, затем пытался раскатать крюк, сопел, пыхтел, наконец, Олег предупредил:

– Осторожнее, услышат!.. На окнах хоть и решетки, но стражи по ту сторону стен. Лучше не дразни.

– Но должны же как-то выбраться?

– Должны, – ответил Олег.

– Как?

– Не знаю, – ответил Олег честно. – Знал бы, ушел бы сразу.

– Ага, не нравится?

– Не нравится.

– А как же красоты гор?

– Уже насмотрелся.

Скиф вдруг умолк на полуслове. Рот приоткрылся, ноги слегка дергались, словно бежал из плена. Олег опустил веки на глазные яблоки, заставил сердце успокоиться, начал перебирать все заветы от самых могучих и до самых слабых. Похоже, что то едва заметное чувство потери, которое впервые ощутил много лет назад и тут же забыл, и было вот это...

И если не удастся ничего сделать магией даже сейчас, то... надо оставить все попытки, иначе обречен, и пытаться выбраться... как выбирался бы, скажем, Мрак.

Очнувшись от грубого пинка, сразу вскочил. Цепи загремели. Рядом били ногами Скифа. Пахло мочой, гнилой соломой. Скиф похрапывал, неподвижный, как бревно. Олег торопливо поднял друга, встряхнул:

– Просыпайся! Мы в каменоломне, забыл?

Скиф всхрапнул, открыл глаза. Стражи захохотали. Скованные попарно рабы внесли чан с горячей похлебкой. Камнерубов покормили, тут же погнали к выходу, а затем, выстроив цепочкой, велели идти к горе. Справа и слева в сторону скованных людей смотрели острые копья. На выступах скал расположились лучники, а когда рабы приблизились, они натягивали луки и целились в пленных. Похоже, начальник стражи был очень осторожным человеком.

Снова длинный туннель, огромная пещера. Олег взял самый тяжелый молот, тем самым сбережет какого-то бедолагу, Скиф подозрительно посмотрел на старшего друга, постарался взять тоже побольше и потяжелее. Он заметил, что Олег еще в первый раз тщательно запоминал дорогу сюда и обратно, сосчитал всех стражей, а что сейчас спокоен, то неспроста, неспроста...

Олег вздрогнул, когда плечо чуть не обожгло горячее дыхание.

– Ну, – спрашивал Скиф свистящим шепотом, – что-нибудь надумал?

– Ты о чем?

– О побеге, конечно, – зашипел Скиф яростно. – О чем же еще?

– О чем, – пробормотал Олег. – О такой мелочи, к примеру, как сделать людей счастливыми... Что толку, что мы убили все большие войны, а сейчас гасим малые?.. Люди счастливее не становятся. Даже наоборот, вянут, как цветы без дождя...

Скиф отодвинулся с опаской, старший друг, похоже, тронулся умом.

Олег заметил, что все глыбы, которые они откалывали, высотой ему до пояса, в длину не меньше трех шагов и два в ширину. Рабы привязывали веревки к заранее вбитым крючьям, каменные блоки подвигали, подкладывали круглые бревна, с жалобными надсадными криками тащили из пещеры.

Улучив мгновение, он приблизился к Ширваку. Тот со стоном вертел в стене дырку, но камень почти не поддавался затупившемуся сверлу.

– Не понимаю, – проговорил Олег вполголоса. – Куда такие камни? Это не крепость, не храм, не дворец. Не городская стена, конечно.

Ширвак прошептал:

– Говорят, правитель тронулся... Виданное ли дело – строить Башню!

– Башню? – переспросил Олег. – Все строят башни. Сторожевые. Защитные, осадные, торцевые, воротные...

– Да не башню, – прошептал Ширвак еще пугливее, – а Башню!.. Поговаривают, что страшится, будто небо обрушится и задавит его. Вот и строит из таких вот плит. Чтобы опора небу...

Скиф ничего не понял из их разговора, зато старался за обоих, бил молотом, яростно шумел, создавая видимость работы всех троих.

Глава 6

Он напрасно строил планы, как нападут на стражей, разоружат, с оружием в руках пробьются сквозь ряды противника, на выходе как-то избегнут стрел, заслон сметут, перебьют, истребят, а там простор, свобода!.. И хотя умом понимал, что его убьют еще в пещере, ведь на ногах тяжелые цепи, с которыми не побегаешь, но сердце отказывалось верить, что перестанет биться.

Олег же на третий день, когда их только привели на работу, кивнул Скифу на толстый столб, что упирался в каменный свод, сам метнулся к другому и обхватил его обеими руками. Скиф успел увидеть, как страшно вздулись мышцы этого человека, шея покраснела, плечи налились кровью.

Скиф поспешно ухватился за свой столб. Эти два, как уже видел, держат всю кровлю у самого входа. Стражи еще не успели понять, что случилось, как Олег мощно выдохнул, основание столба закрипело по камню. Снова задержал дыхание, напрягся. Стражи закричали, бросились к нему с поднятыми мечами.

Олег что-то выкрикнул, столб сдвинулся еще, кровля над ним просела. Столб тяжело рухнул, в потолке сразу раздвинулась щель, посыпались мелкие камешки, затем – крупнее и крупнее.

Стражи с криками, бросая оружие, бросились к выходу. Кровля, просев, уменьшила давление на второй столб. Скиф уже чувствовал, что вот-вот лопнет от усилий, в глазах темно, но не уступить же этому... этому сумасшедшему, который то бормочет глупости, то стремится погибнуть под камнепадом, но только бы не под плетью надсмотрщика...

Бревно затрещало, рухнуло. В тот же миг сильная рука дернула его в сторону. Скиф дал утащить себя в глубину пещеры. За спиной грохот, вся гора дрожала, тряслась. Сзади падали камни размером с барана.

Потом... потом грохот прекратился. Скиф, не веря себе, оглянулся. Ту часть пещеры засыпало, но главное, как он понял, засыпало часть туннеля, где их сторожили отборные воины.

Рабы прижимались к стенам, дрожали, смотрели кто испуганно – ведь все теперь в ловушке, кто с сумасшедшей надеждой.

Олег бросил отрывисто:

– Берите молоты, быстро сбивайте цепи!.. К тому времени, как нас раскопают, чтоб все были без цепей, с оружием и... сидели тихо как мыши!

Один из рабов, самый смысленный, оскалил беззубый рот в хитрой усмешке:

– Как засыпанные камнями, наш господин!

Олег кивнул, в его руках уже был молот. Скиф положил ногу на камень. Олег ударил всего дважды, правая нога свободна. Еще два удара – свободна левая. Так же быстро он сбил оковы с ног ближайшего невольника, что догадался сразу же занять место Скифа. Сам Скиф уже вытаскивал из-под камней полузасыпанное тело стражника, срывал с его пояса меч.

По всей пещере словно повеяло свежим прохладным ветром. Полуголые люди хватили молоты, всюду гремело расклепываемое железо. Голыми руками разбрасывали камни, срывали с трупов оружие, а кому не досталось, сжимали в руках молоты и кирки.

Олег прикрикивал взволнованно:

– Тихо!.. Теперь все тихо...

Наконец оружие разобрали, вплоть до ножей на поясах. Скиф горящими глазами смотрел на Олега, ловил каждое слово этого человека с красными волосами. Олег бодрился, хотя в груди лежала тяжелая глыба отчаяния. Снова он в нелепом махании мечами и топорами! Самое подходящее место для мыслителя. Но как, как поступать, если оказываешься в таком месте?.. Или само место приходит к тебе?

Прислушался, велел:

– Всем тихо!.. А ты... нет, вон ты, у тебя голос должен быть жалобный... вопи, что задавлен камнями, умираешь.

Камнеруб, на которого он указал пальцем, обиделся:

– Я?.. Жалобный?

Со всех сторон слышались смешки:

– Верно!

– Как в яблочко влепил!

– Голосок у него – последний кусок хлеба выпросит!

Оборванные, израненные, избитые люди распрямляли спины, веселились, указывали пальцами. Камнеруб с неудовольствием пожал плечами, но, повинувшись старшему, завопил:

– Ой-ой!.. Мои ноги расплющены... Все убиты... Всех завалило...

Голос у него в самом деле оказался страдальческий, вопящий, Скиф отвернулся, ибо сразу представил поруганного человека с выползающими из лопнувшего живота кишками.

Олег кивнул, сказал вполголоса:

– Здорово!.. Продолжай. А вы все – тихо!

Камнеруб повопил малость, затих по знаку Олега. В полной тишине донеслись далекие удары. С той стороны спешно расчищают завал. Похоже, сами охранники и стражники, оставив оружие, взялись за кирки, выдирают камни, отбрасывают. Жаль рабов, конечно, но еще важнее побыстрее наладить доставку уже вырубленных плит...

– Добейте... – застонал камнеруб. – Добейте... Хоть кто-нибудь... Не могу больше!

Он зло улыбнулся, сухие руки крепко сжимали кирку. Меча ему не досталось, да и, судя по нему, он с киркой раньше управлялся лучше, чем с мечом. В глазах ненависть, а подманивал врага уже с явным удовольствием.

Удары становились все громче. Олег сказал напряженно:

– Помните, кто где стоит... чтобы своих не бить. Теперь загасите светильники.

Наступила полная тьма, слышалось только сиплое дыхание множества людей. Удары кирок все ближе, слышнее, наконец во тьме блеснуло слабое пятнышко света. Слышался шум камня, рухнул на эту сторону завала и покатился в темноте.

Кирки заработали с удвоенной силой, с той стороны донесся голос:

– Подох...

– Да и черт с ним, – ответил второй. – Ты ж слышал, ему ноги отдало... Помоги откатить эту глыбу! А то Хозяин рассердится за эту задержку.

– Ему скажем?

– Он и сам узнает...

В бледном пятне света было видно, как приземистые фигуры разбирают глыбы, расширяют проход, хотя уже можно было пролезть одному и зажечь светильники.

Никому мертвые или раненые рабы не нужны, подумал Олег с горечью. Их заботят только их чертовы каменные блоки... И расширяют проход именно для глыб.

Он неслышно скользнул ближе. Завал разобрали до половины, наконец один, все еще с факелом в руке, двинулся в глубь пещеры. Олег перехватил его сзади за горло, под пальцами как яичная скорлупа хрустнули тонкие хрящи. Теплое тело неслышно опустил одной рукой, другой рукой подхватил факел, помахал, сказал измененным голосом:

– Да... Всех задавило!

– А блоки? – крикнули с той стороны. – Блоки?

– Не завалены, – ответил Олег хрипло, стараясь подражать голосу убитого. – Расширяй проход.

Завал разобрали весь, с факелами в руках вошло сразу несколько человек. Олег швырнул факел под ноги, затоптал.

Молча, как волки на овец, отошавшие невольники набросились на уверенных в себе стражников. Олег увидел Скифа, что первым выбежал в длинный тоннель.

– Добивайте! – крикнул Олег страшно, а сам уже с мечом в руке помчался вслед за Скифом.

День был хмурый, но свет все равно ослепил глаза. Они едва видели в нещадном блеске испуганные, недоумевающие, а затем уже перекошенные в страхе лица стражников, что оставались снаружи. Зазвенело железо, он сам вертелся как белка, прыгал, уворачивался, рубил, ломал кости, слышал злой вопль Скифа.

На миг мелькнуло лицо Ширвака, тот некоторое время сражался наравне со Скифом, наконец упал, но не от ран, а от изнеможения. Скиф догнал и убил двоих, пытавшихся спастись бегством.

Из развороченного выхода выходили уцелевшие после сражения невольники. Олег невольно сосчитал, оказалось, что погибло всего пятеро, нападение на стражу оказалось очень уж для тех внезапным.

Скиф был залит кровью, но раны показались Олегу неглубокими. Твердое, как дерево, тело и плотная кожа не пропустили в себя глубоко чужое железо. Грудь его бурно вздымалась, дышал шумно.

– Что теперь?

Олег повернулся к невольникам. Те любовно потрясали оружием, дышали тяжело, но на него смотрели как на вожда.

– Всего неделю назад многие из вас были свободными! – крикнул он. – Теперь свобода вернулась!.. Идите каждый в свои земли. К своим семьям.

Невольники радостно зашумели.

Он беседовал со Скифом, когда за спиной послышались шаги. Худой человек в лохмотьях подходил к нему угрюмо и решительно. На поясе в отобранных у стража ножнах висел короткий меч.

Олег узнал Ширвака.

– Ты верно сказал, – заговорил Ширвак, – что мы свободные, а не рабы. Это рабы, не знавшие свободы, тут же разбежались бы.

– И что ты хочешь? – спросил Олег.

Скиф смотрел на оборванца с симпатией. Он уже знал, что тот хочет, и удивлялся, что его мудрый друг, такой сильный и много знающий, таких вещей не понимает.

– Вы хотите идти к этому непонятному тцару, – сказал Ширвак, – называющему себя Хозяином. Да, это безумие!.. Но мы это безумие разделим с вами.

Группа людей с мечами подняла к небу кулаки. Скиф смотрел с гордостью. Не все вышли из пещеры живыми, но после того этих людей не стало меньше. Никто не ушел, не побежал спасти свою шкуру!

Олег сказал холодно:

– Это трудное предприятие. Потруднее, чем было вырваться просто из плена.

Ширвак сказал горячо:

– Разбежись мы сразу, никто бы нас не осудил, всяк сделал бы так же. Но мы сделаем так, что о нас долго будут рассказывать! И даже слагать песни.

Скиф подошел, положил ему на плечо руку:

– Откуда ты родом, герой?

– Ширвак из рода Ширваков!

– Здравствуй, Ширвак. Ты прав. Даже если сложим головы, песни о нас сложат. Ибо мы погибнем не как разбегающиеся от волка овцы!

Они хлопали друг друга по спинам, Олег морщился, все слишком высокопарно, а жизнь проще, намного проще... вроде бы. Хотя, конечно, о таких безумцах вспомнят. И будут рассказывать другим.

– Хорошо, Ширвак. Скажи людям, что мы подойдем ближе к человеку, который хватает невинных людей по дорогам и превращает в рабов.

– И расправимся! – выкрикнул Ширвак.

– Если сумеем, – согласился Олег.

– По крайней мере, – добавил Скиф горячо, – попытаемся!

Обогнув гребень горы, Скиф ахнул и остановился. Олег промолчал, но по коже пробежал неведомый трепет. Перед ними раскинулась широкая зеленая долина, ровная и цветущая, а далеко-далеко на горизонте поднимаются горы со снежными вершинами.

А посредине долины царствует крепость. Настолько гигантская, что, казалось, вся долина вокруг нее всего лишь зеленая лужайка. Стены из немыслимо толстых плит камня тянулись и тянулись, истончаясь, и лишь далеко-далеко сворачивали под прямыми углами. Это оказался целый город, окруженный с четырех сторон высокой стеной, которую невозможно пробить никаким тараном.

Но внутри этого четырехугольника медленно поднимается странная крепость... так Олегу показалось вначале. Но холодок по спине прокатывался все сильнее. Какая же крепость, если нет окон, а отсюда с горы видно, что вообще даже пустот нет! Толпы народа, впрягшись в невидимые отсюда канаты, тащат туда исполинские плиты камня, что вырубывали они со Скифом. А другие с помощью веревок и простых приспособлений поднимают их наверх, укладывают так, чтобы без зазора, чтобы сцеплялись одна с другой, чтобы сверху можно было класть еще и еще, чтобы башня достигла невиданной высоты...

– Не понимаю... что это за крепость... в которой вообще нет помещений?

Ширвак пояснил, но видно было, что и сам не понимает, что говорит:

– Я ж говорил, ты не понял! Это не крепость. Это Башня.

– Что за Башня?

– Хозяин строит Башню, чтобы достичь неба.

– Зачем?

Ширвак пожал плечами.

– То ли чтобы небо не упало на землю, то ли сам собирается взобраться на небеса. Кто знает?

Скиф сказал зло:

– Умники, а что скажете насчет тех всадников?

От крепости в их сторону неслись крохотные фигурки всадников. Немалое конное войско, солнце блистало на кончиках копий, панцирях, доспехах. Иные размахивали саблями, словно уже рубили убегающих рабов.

– За камни! – велел Олег. – Для нас все удачно...

Восставшие торопливо разбежались, слышно было, как гремят камни, со всех сторон ругань, все торопятся забраться повыше. И безопаснее, да и любой камень, сброшенный с высоты, бьет сильнее.

Дорожка между каменными стенами узкая, по два-три всадника если и проехать, то с трудом и не везде, а если вскачь, то и вовсе по одному, Олег это выкрикивал Скифу, тащил вглубь, отступал, и когда передние всадники выметнулись на прямую и увидели двоих убегающих рабов...

...они пришпорили коней. И не услышали грохота камней, падающих с обеих сторон. Олег и Скиф разом повернулись. Из пыльного облака выметнулся только один на обезумевшем от страха коне.

Был он так жалок, что Скиф брезгливо вытер пальцы, после того как сломал ему хребет и бросил умирать на раскаленные солнцем камни.

Восставшие торопливо спускались со стен, обыскивали трупы. Весь отряд poleg до одного человека. Когда с погибших сняли даже потертые кожаные доспехи, Скиф со злой радостью оглядел восставших.

– У нас настоящее войско, – воскликнул он, – Олег! Ладно, не войско, но такой отряд может наделать бед... Что дальше?

– К крепости, – велел Олег.

Строители долго не замечали, что вместо усакавших всадников со стороны гор появились пешие воины. Скиф вывел отряд на хорошие позиции, где можно долго сражаться, избегая потерь, а Олег посоветовал:

– У нас слишком много народу. А там... гм... охраны странно маловато. Пошли небольшие группки, чтобы перекрыли все дороги. Когда это странное строительство окажется в кольце, их таинственный Хозяин заговорит по-другому...

Издали донесся предостерегающий крик Ширвака:

– Идут!

Там в долине люди все так же медленно тащили глыбы. Но из приземистого здания, почти не приметного рядом с таким исполинским сооружением, выплеснулся немалый отряд. Скиф сразу же насчитал две сотни воинов. Правда, пеших. Впереди выстроились копейщики, за ними с полсотни воинов с короткими мечами, а за их спинами шли лучники.

– Пусть, – сказал Олег. – Пусть идут...

– Чуть отступим? Там защита лучше!

– Погоди.

Отряд шел ровным квадратом, пыль вздымалась под тяжелыми сапогами. Солнце играло на острых наконечниках копий, шлемах. Лица воинов были угрюмыми.

Олег выждал, когда они подошли на полсотни шагов, выступил вперед, замахал руками.

– Эге-гей!.. Я хочу говорить с вашим хозяином!

Воины сделали еще с десяток шагов, остановились разом. Слышно было, как переговариваются, потом через их ряды вперед прошел молодой красивый воин с луком в руках.

Ширвак предостерегающе крикнул. Лучник выстрелил. Олег, слегка отклонившись, поймал стрелу, переломил и бросил под ноги. Сделал еще два шага вперед. Сразу два лучника, переглянувшись, вышли к первому и спустили тетивы. Олег поймал обе стрелы, бросил под ноги.

Глава 7

С той стороны вперед выдвинулось уже четверо лучников. Их руки мелькали, тетивы звонко хлопали по кожаным рукавичкам, а стрелы стремительно пронизывали воздух. Олег двигался с такой скоростью, что почти не было видно рук, под ногами росла кучка стрел.

С той стороны к лучникам подходили стрелки, поднимали луки. Скиф стискивал кулаки, долго эта забава продолжаться не может, какую-то стрелу Олег да пропустит, а Олег, похоже, тоже это почувствовал, начал медленно пятиться, все еще хватая стрелы, а когда отодвинулся к своим, крикнул в сторону лучников:

– Ну, как хотите!.. Но только зря думаете, что вам удастся отсидеться. Мы придем и убьем всех. Всех!

Ширвак воинственно вскинул над головой меч. Солнце блеснуло на лезвии, на миг превратив клинок в раскаленную полосу стали.

– Смерть!

За его спиной заорали, завопили, в воздух взвились топоры, мечи, кирки, копья. Олег видел всюду перекошенные яростью и ненавистью лица.

– Смерть всем!

– Убьем!

– Всех убьем, все спалим!

Лучники отступили за спины латников. Отряд дрогнул, отодвинулся на пару шагов, но все-таки замер, только упер древка копий в землю, словно со стороны восставших неслась конница.

Из приземистого здания выходили все новые люди с оружием, спешили к первому отряду. Олег со злым удовлетворением заметил бездоспешных, с плотницкими топорами, были даже простые челядинцы с вилами.

Скиф тоже заметил, крикнул:

– Это все их воины!.. Стоит их смять...

Из ворот здания выехал всадник. Всмотрелся из-под руки, погнал коня в их сторону. Ветер трепал гриву и хвост коня, всадник пригнулся, спасаясь от сильного встречного ветра. Среди наспех собранного войска перестраивались мелкие отряды, сотники сорванными головами гоняли хорошо вооруженных и в доспехах воинов в передний ряд, а в кожаных латах ставили сзади, потом вообще челядь, вооруженную плотницкими топорами и вилами, а лучники снова выстроились в последнем ряду.

Скиф готовил восставших к новому штурму, когда наконец приблизился всадник. Воины расступились, он осторожно выдвинулся вперед, конь все не мог успокоиться, шарахался в стороны.

Всадник прокричал:

– Наш благородный Хозяин готов выслушать просьбу своих рабов!

Скиф зарычал, меч в его мускулистой руке высоко блеснул в воздухе.

Олег крикнул:

– О рабах забудь. Скажешь еще раз, мы тебя отыщем и на дне морском. И раздерем на части. Понял?.. Где он?

Всадник поднял коня на дыбы, тот красиво помесил воздух, до восставших донесся ответ:

– Хозяин готов выслушать!.. Говорите!

Ширвак сказал негромко:

– Ага, это он от себя. По-моему, их Хозяину все равно, как мы зовемся. Ему бы только эти проклятые камни таскали.

Олег прокричал:

– Свободные говорят со свободными, а не с рабами! Где твой хозяин?

– Он в замке, – крикнул всадник. – Я даю слово, что тебя отведут к нему, а затем ты сможешь вернуться!

Скиф крикнул насмешливо:

– Ты даешь? А что ты за мелочь такая пузатая?

Всадник подал коня на пару шагов вперед, гаркнул разозленно:

– Я управитель Хозяина! А велел мне он сам. Или ты думаешь, что здесь хоть волос упадет с чьей-то головы без воли Хозяина?

Скиф нагло расхохотался. Смеялись и оставшиеся без воли Хозяина падают не только волосы, но и головы его слуг и охранников. Всадник рассерженно рвал удилами конский рот, что-то выкрикивал, но за дружным смехом Олег не расслышал.

Он сунул Скифу в руки свой меч.

– Держи! Я схожу повидать их Хозяина.

– Ты что? – ахнул Скиф. – Они же тебя сразу!.. Видно же, кто все это организовал и начал осаду. Твоя голова дорого стоит.

Олег подумал, ответил медленно:

– Думаю, не сразу... А за это время я успею переговорить с Хозяином.

– Зачем? Ты хочешь, чтобы он сдался? Он не такой дурак.

– Просто... я чувствую, что все не так просто. И не такой уж он и сумасшедший.

– А кто же?

– Не знаю. Потому и хочу увидеть.

Всадник нетерпеливо прокричал:

– Ну что решили?

Олег шагнул вперед.

– Ты дал слово, – напомнил он, – от имени своего Хозяина и себя самого. Тебя слушали как наши люди, так и твои. Я иду говорить с твоим Хозяином!

Скиф передал оба меча в руки Ширвака, подошел и встал рядом.

– Мы пойдем вместе.

Всадник крикнул с полным равнодушием:

– Двое, так двое. Оружие оставили?.. Идите со мной.

Олег и Скиф медленно и осторожно двинулись вперед. Ширвак крикнул, что это очень опасно, Олег велел пока ничего не предпринимать, но если они не появятся слишком долго, тогда...

– Камня на камне не оставим! – крикнул Ширвак вдогонку.

Всадник выждал, когда они пришли мимо, заехал со спины, Скиф обернулся, злой, как дикий зверь:

– Ты что, пленных ведешь?

Управитель ответил так же злобно:

– У нас пленные ходят сзади! Уже забыл?

Но все же выехал вперед. Скиф шел сзади рядом с Олегом и злился: дал маху, потом прорычал:

– Эй ты, управитель!.. Больно дороги у вас пыльные. Езжай сбоку.

Управитель оглянулся, но коня придерживать не стал.

– Рядом допускают только равных, – сказал он насмешливо. – А скорее небо падет на землю, чем пеший сравняется с конным...

Лицо Скифа страшно перекошилось, он прохрипел люто:

– Р-раб!.. Да ты знаешь, с кем говоришь?

Руки управляющего сами натянули повод. Олег покачал головой: вот она, гордыня, но уstraшенный управляющий все же поехал рядом с ними, тихий и смиренный. Олег поглядывал

на Скифа искоса, дивясь, как оскорбленная гордость может переменить человека так резко. Только что это был молодой и беспшашный юноша, яростный в бою и горячий на слово, но сейчас к дворцу таинственного Хозяина идет уверенный в себе сын могучего тцара, надменный и высокомерный, который прекрасно осознает свое высокое происхождение, что на самом-то деле... утренний туман до восхода солнца.

Гора уплыла в сторону, открылось еще одно каменное строение в два этажа. Простое, приземистое, издали похожее на казарму для солдат.

Управитель простер вперед дрожащую руку.

– Дворец, – проговорил он почтительно, – дворец нашего Хозяина. Советую разговаривать с ним почтительно!

Скиф прорычал злобно:

– Да? Посмотрим, как будет он говорить с людьми, что окружили его дворец!

Лицо управителя перекопилось ужасом. Олег глядел во все глаза на то, что управитель назвал дворцом. В странствиях он встречал дома богатых слуг, что строили себе жилища побольше и побогаче. А на этом дворце словно незримая надпись, что его делали в спешке, что Хозяину наплевать, как построено, ему лишь бы где бросить кости на короткую ночь, а все остальное время он...

Где он остальное время, подумал Олег напряженно. На этом странном строительстве? Которому отдается с таким неистовством? Зачем?

Их ввели в небольшой зал, остановили посредине, окружив лесом копий. Скиф хмурился, его синие глаза холодно посматривали на воинов, оценивали длину копий, кто как стоит, расстояние до дверей, их тут две, и даже самые крепкие воины под взглядом его беспощадных глаз начинали нервно переступать с ноги на ногу, потеть и коситься на двери.

Наконец послышался строгий окрик. Все вздрогнули, наконечники копий почти смыкались, сверкающим кольцом окружили так плотно, словно двое стояли в металлическом обруче с шипами.

Вслед за управителем вошел очень высокий человек, худой, с острыми чертами лица. Скиф яростно засопел, мускулы начали вспучиваться, как восходящее тесто, а Олег с изумлением смотрел на человека, который так явно превосходит его ростом.

– Эти? – спросил человек отрывисто. – Что хотят эти черви?

Управитель с беспомощным видом развел руками. Высокий человек потребовал гневно:

– Но они явились с какими-то просьбами?

Он все еще игнорировал их, стоящих в окружении наконечников копий. Олег с холодком понял, что этот человек по ту сторону добра и зла. Ему ничего не стоит велеть страже проткнуть их копьями, даже не вспоминая, что нарушает какое-то слово. Он делает то, что считает важным для себя, очень важным, а все остальное такое мелочь, о которой не стоит даже вспоминать, даже если в эти мелочи входит эта верность слову, честь, достоинство... правда, чужие честь и достоинство, о своих помнит, потому так вот сейчас...

Рослый человек наконец повернулся, глубоко запавшие глаза быстро пробежали по Олегу, осмотрел Скифа, затем снова повернулся Олегу:

– Ты кто?

Голос его был подобен рыку льва. Скиф молча обвел взглядом острия копий, что касались его груди и боков. В глазах был ответ, что убери хотя бы половину этих штук, сразу узнаешь...

Олег ответил мирно:

– Человек. Просто человек.

– Человек? – изумился гигант. Голос стал злее, в нем быстро вскипала ярость. – Человек не сумел бы вырваться из моих каменоломен. Тем более явиться сюда!.. Да еще как явиться.

Из-за его спины выступил человек в темном плаще, балахон надвинут на глаза, чтобы пленники не увидели его лица и не сумели сплести контрзаклятий. Несколько долгих минут

он бормотал, двигал руками. Олег чувствовал покалывание, словно сотни острых иголок прикасались к обнаженной коже.

– Ну? – прорычал гигант нетерпеливо.

– Сейчас, сейчас, господин... Очень трудно понять...

Гигант хмурился, бросал на пленников испытующие взгляды. Скиф наконец все понял, на его губах заиграла надменная улыбка. Он гордо выпрямился.

– Господин, – проговорил наконец маг неуверенно. – Либо моих знаний недостает, либо это... просто люди.

Гигант взорвался гневом:

– Конечно же, недостает!.. Видно же, что не простые, не простолюдины!.. Но кто?.. Ответьте, кто вы? Что вы хотите, войдя в мой дом незваными?

Скиф презрительно молчал. Да, боги иногда спускаются на землю, бродят под личиной простых смертных, вступают в браки с простыми людьми, для богов невелика разница: тцарская кровь или рабская, но эти же боги свирепо наказывают тех, кто пренебрегает долгом гостеприимства. Это как раз и страшит тех, кто свою власть ставит выше всех законов.

Он делал знаки Олегу, чтобы тот поддержал загадку, однако волхв покачал головой.

– Нет, Яфет, мы не боги... Но мы уже встречались. Ты лежал в пещере, иссохший и умирающий, когда я тебя нашел. Я пробовал говорить с тобой, но ты меня не слышал... Я просил тебя вернуться в этот мир. Еще не все сделано! Но ты не слышал. И я тогда ушел.

Яфет словно задохнулся от удара под ложечку. Задержал дыхание, потом с шумом выпустил воздух. Глаза его с ненавистью и изумлением впелись в Олега.

– Это был ты?.. Я слышал голос, но ответить уже не мог, не было сил. Но мне показалось, что это голос Бога...

– Нет, Яфет, – ответил Олег честно. – Во сне многое искажается, знаю по себе. Как-то дракон приснился, а проснулся: по мне гусеница ползет!

Маг кашлянул, сказал торопливо, оправдываясь:

– Тцар, это не Бог... даже не бог, но это один из Новых...

– Новых чего? – не понял Яфет.

– Новых... героев. Но героями их назвать тоже... гм, они могут упасть без памяти от одного вида крови. Но все-таки герои... Так в древних книгах, которым верю, хоть и не понимаю. Ведь герои – это когда один рубит сотню врагов, сжигает города и села, за ним пепел и развалины, герой может порубить сады целого города, за одну ночь засыпать сто колодцев, сделать вдовами тысячу женщин, а десять тысяч детей сделать сиротами!

Яфет хмурился, что-то его беспокоило. Тяжело вздохнул, переступил с ноги на ногу, словно хотел подойти, даже в самом деле сделал крохотный шаг, но незримую черту не пересекал, за которой пленники достали бы его раньше, чем их остановили бы копы стражи.

– Да могут быть такие герои, – сказал он досадливо. – Могут!.. Не знаю как, но – могут!.. Чувствую всем сердцем. Душой, кишками, всеми внутренностями чую. Сам ищу в потемках дороге.

Скиф не понял, о чем речь, да и никто, похоже, не понимает, только его красноголовый друг, который то проявляет поразительную тупость, то все же что-то в нем проявляется и человеческое, сказал почему-то почти сочувственно:

– Мир меняется, Яфет. И твоя башня должна быть иной.

Скиф замер, но вместо того, чтобы рассвирепеть и приказать их поднять на копы, этот хозяин всей этой дури, этот Яфет, что за имя дурацкое, спросил жадно:

– Какой?

Олег переступил с ноги на ногу. В черепе стучали молотки.

– Не знаю. Но – иной.

Яфет сжал огромные костлявые кулаки. Глаза его метали молнии. Прорычал:

– О чем ты говоришь, червь?

– Ты жил дольше меня, – прошептал Олег, – больше видел. Я только чувствую, что твоя башня должна быть иной. Не из этого... Ну, не из этих чудовищных плит. Не из камня вообще. Я сам до конца этого не понимаю, Яфет, но... мир меняется! Я сам это ощутил, когда вдруг мне перестали подчиняться силы магии... Все люди становятся другими. Какой должна быть башня в этом изменившемся мире?.. Хотел бы я это знать. Очень хотел бы.

Яфет всмотрелся в его изможденное лицо. Спросил зло, в яростном голосе звучало недоверие:

– Ты... в самом деле хотел бы? Почему?

– Потому что урод, – ответил Олег. – В то время как все ищут легкую жизнь, ищут золото, красивых женщин, я ищу... черт-те что. Я тоже, может быть, строю свою башню.

– Ты?.. Башню?

Яфет спросил с таким негодованием и презрением, что поперхнулся от гнева. Олег молчал, переминался с ноги на ногу. Яфет внезапно расхохотался.

– Если и такие, как ты, начнут строить башни...

– Возможно, – ответил Олег, – я не башню строю, а ищу лестницу... вслепую нащупываю ступеньки, ведущие вверх. К богам ли, к небесам или к тому неведомому, что выше нас?

Яфет оборвал смех так же резко, как и ворвался в неистовое веселье. Глаза без перехода стали злыми и серьезными.

– Врешь, – сказал он убежденно. – Все люди – скот. Тупой рабочий скот. Вон даже лучшие из них, что окружают меня, только и думают, как обворовать казну, получить от меня подарки, землю, людей, шахты с золотом! Есть среди них преданные мне, но что останется от их преданности, если меня бросят, как вот вас, в каменоломню, а на трон сядет другой? Все – скот, предатели, животные. Все твари, никто даже не думает подняться выше своего желудка. Для них есть только одни ступеньки – к трону, где будут валяться у моих ног и вымаливать села, рабов, золота!

Он был гневен, глаза метали молнии, крупные сухие кулаки стиснулись так, что заскрипела кожа на суставах. Олег смотрел без страха, в глазах мелькнуло странное выражение.

– Нас мало, – сказал он тихо, – но ты не один, Яфет. Не знаю, почему это тебя приводит в ярость... Я только рад, что ищу эти ступеньки вверх не один. Чем больше нас будет их искать, тем скорее найдем.

За окнами нарастал шум, ржали кони, все громче слышались голоса. Яфет поморщился, властным жестом отправил управителя к двери, но навстречу вбежал запыхавшийся воин. Шатаясь, он рухнул на колени, прокричал снизу:

– Хозяин!.. Вzbунтовавшиеся рабы замкнули кольцо вокруг стен твоего дворца!

Яфет засопел, пальцы правой руки нервно пробежали по широкому поясу. Повернулся с горящими яростью глазами к Олегу. Тот очень тихо и так кротко, что Скиф поежился от такой непроходимой тупости, спросил:

– Ну?

– Что «ну»? – прорычал Яфет. – Что «ну»? Не говори загадками!

– Они не разбежались, – ответил Олег. – Они пришли за нами. Многие из них... возможно, все – умрут. Но они пришли... И ты называешь их скотом?

Скифу показалось, что этот Яфет совершенно не обратил внимания на то, что его дворец окружен, что крови прольется столько, что здесь потекут красные горячие ручьи и зальют подвалы, зато прислушался к словам Олега, чем-то они двое похожи, вздрогнул, коротко бросил управителю:

– Стражу убрать. Накрыть стол в малом зале. На троих!

Воины нехотя отступили, но не ушли. Скиф и Олег все еще оставались в кольце из сверкающего острого железа. Управитель закричал на них, воины с еще большей неохотой убрали копья и ушли, оглядываясь недружелюбно.

Похоже, подумал Скиф, этого Яфета все же любят, а преданы ему по-настоящему. Зря он полагает, что служат ему только из-за жратвы и высокой платы.

Глава 8

В окружении копий их довели до двери во внутренние помещения. Яфет, словно опомнившись, нетерпеливым жестом отправил стражу прочь. Воины заколебались, он рыкнул, взмахнул рукой, и они, звякая железом, отступили.

Олег и Скиф переступили порог первыми. Следом вошел придворный маг и тут же смиренно сел на лавочке у самого входа. Яфет зашел последним, его рука повелительно послала гостей к накрытому столу.

Скиф быстро посмотрел на Олега, в синих глазах сильнейшее недоумение. Зал запущен, здесь не убирали грязь неделями. Стол настолько грубо и небрежно сколочен, что за ним погнушался бы обедать глава семейства из самых бедных простолюдинов. Да, простолюдин явно сделал бы любовно, с резными ножками, добротнее. Правда, на стол подали отборный виноград, два кувшина с вином, но Скиф все внимание обратил на огромного откормленного гуся.

Коричневая корочка затрещала под его грубыми пальцами, обожгла, брызнул сладкий горячий сок, вырвалось облачко дурманящего запаха сочного молодого мяса. Скиф перестал что-либо слышать, кроме хруста костей под своими зубами и мощного треска за ушами.

Олег ел вяло, медленно, спросил непонимающе:

– Но как ты пытаешься обойти на этот раз?.. Неужели ты настолько туп...

Он остановился, Яфет потребовал зло:

– Договаривай!

– Настолько туп, – повторил Олег, – что споткнешься на том же месте?

– Почему это?

– Разве в прошлый раз он не разрушил твою башню?

Яфет сказал яростно:

– То было в прошлый раз! Ты зря думаешь, что я не извлекаю уроков из поражений. Тогда он разрушил идею, смешав все языки! Все рухнуло. Но зато теперь Башню строят разные люди из разных племен и народов... Да и вообще, здесь почти все нанятые, рабов на самом деле не так уж и много. Я начал брать рабов только в последние пару лет, когда захотел ускорить... А когда Башню строит как бы весь народ, то как он накажет одного человека?.. Эти строители, в отличие от тех, Первых, не виноваты, они лишь выполняют работу либо за плату, либо вообще поневоле, вот как вы двое...

Олег невесело засмеялся:

– Нельзя?..

– Думаю, не станет.

– А кто наслал Всемирный потоп?.. Кто испепелил Содом и Гоморру?.. Кто залил лавой Геркулес и Помляду за то же самое?.. Кто насылал мор, чуму...

Яфет выставил перед собой ладони:

– погоди!.. Все верно, но... не кажется ли, что со временем он становится, что называется, милосерднее, а на самом деле просто умнеет? И его звериная жестокость постепенно улетучивается? Как все мы умнеем, добреем, очеловечиваемся...

– С чего ты взял? – удивился Олег. – Я, к примеру, каким вышел из Леса, такой и сейчас...

Яфет посмотрел пристально, возражать не стал, только сказал:

– Так думаешь?.. Ладно, Он в Начале наслал Всемирный потоп, но потом уже такого не повторял, будто сам ужаснулся таких масштабов. Впоследствии затопил в океане огромный остров с цветущим государством, но остальное человечество этого даже не заметило. А потом то в одном месте, то в другом прижигал отдельные язвочки... что такое пара-тройка городов?.. Мне кажется, сейчас он либо смягчился от старости, либо просто поумнел. Так что не станет, не станет...

Олег с беспокойством посмотрел по сторонам, прислушался к шуму за стенами.

– Я вообще-то тебе верю... Но я с богами тоже схлестывался. И не с одним! Может быть, даже с тем, который так вот раскатал твою башню по камешку... А когда нас двое в одном месте, может не утерпеть. Так что если у тебя не найдется пара быстрых коней, то я пойду прямо сейчас. Пешком.

– Бежишь? – спросил Яфет горько.

– Бегу, – согласился Олег.

– Трусишь...

– Трушу, – снова согласился Олег.

– И не стыдно признаваться?

– Стыдно, – сказал Олег честно. – Но я трушу не только за свою шкуру, хотя, если честно, я ею дорожу. Но жалко и своей идеи. Для тебя своя идея – самая важная, а для меня – моя. Ты не понимаешь, что я за дурак, что не бросаю все на свете и не кидаюсь таскать глыбы на твою Башню, а я едва удержался, чтобы не сказать: да брось ты эту чепуху, пойдем вместе искать Истину...

Лицо Яфета страшно побагровело. Рука стиснулась на подлокотнике. Олег сжался, Яфет налит той мощью, что переполняла перволюдей, а потом разжижилась в потомках.

Яфет сказал с гневом и внезапной острой тоской:

– Эх, Олег, червяк ты, а не человек, хоть иногда брякаешь что-то умное... Что ты о богах лепечешь, младенец?.. Дрался с ними, говоришь? Что ж, честь тебе и хвала. Но знаешь ли, что все это множество твоих богов... и множество богов соседнего племени... и множество множеств богов других племен и народов – суть лики одного и того же Бога?

Скиф не слушал эту дурь, которой враг пытается сбить их с толку, завлечь в какие-то сети, но Олег явно призадумался. Спросил с интересом:

– Вообще-то мне тоже иногда такое в голову... Мол, все боги – лишь щупальца одного Бога, огромного и страшного, что вообще по земле не ходит, а сидит где-то в хрустальной пещере на небесах, а здесь только шарит щупальцами, аки осьминог, зверь дивный! Ты осьминога видел?

– Нет, – отрезал Яфет, он присматривался к Олегу теперь с живейшим интересом и почему-то, на взгляд Скифа, с возникшим уважением. – Но если ты додумался до такого... гм, ты еще не последний дурак на этом свете! Ты прав, он похож на осьминога в своей сути. Сам он далеко, а здесь кишмя кишат эти боги, божки, что на самом деле всего лишь его мысли, его хотения, его желания... Так вот, как тебя...

– Олег, – подсказал Скиф с набитым ртом.

– Олег, – сказал Яфет, не повернув головы в сторону героя, – знай же! Я сошелся в схватке именно с этим, Главным! Вернее, Единственным.

Скиф выронил жареное бедро оленя, глаза навывкате, нижняя челюсть опустилась до столешницы. Олег отшатнулся, смотрел на Яфета пристально.

– Ого, – сказал наконец Олег.

Голос его был осторожным, а ел он еще медленнее, глаза не покидали лицо Яфета. Яфет стукнул кулаком по столу:

– Но я все равно до него доберусь!

Олег положил недоеденное крылышко гуся обратно на тарелку.

– Спасибо за хлеб-соль. Но нам, чувствую, надо поскорее отсюда убираться.

Яфет, словно не слыша, сказал тяжело наполовину гостям, наполовину своим мыслям:

– Эх, Олег... Я эту истину искал, искал... Но сейчас мне все чаще кажется, что в стремлении к истине главная суть не в том, чтобы найти ее, а в том, чтобы искать. Понял?

– Не понял, – ответил Олег честно.

– Достаточно, – сказал Яфет, – если кто-то честно ищет ее. Уже это делает человека выше... а истину... истину тоже, наверное, ценнее и выше.

– Все равно не понял, – ответил Олег. – Я все-таки прост. И буду долбить в одну точку в этой чертовой стене, пока не пробью дыру. И доберусь до Истины!

Яфет сказал скептически:

– Истина? Это всего лишь заблуждение, которое просуществовало столетия. А заблуждение – это истина, просуществовавшая лишь минуту.

– Я отыщу вечную Истину, – ответил Олег зло. – Отыщу!.. У меня хватит сил, чтобы противостоять мелким страстишкам... и все-таки искать, искать!

Яфет сказал насмешливо:

– Ты в самом деле настолько уж силен? Я знаю по опыту, что зачастую мы успешно сопротивляемся нашим страстям не потому, что мы сильны, а потому, что они слабы.

Олег сказал сухо:

– Чем страсть сильнее, тем печальней будет у нее конец. Я все равно своего добьюсь. Меня никто не остановит. Большие несчастья не длятся долго, а на малые стоит ли обращать внимание? Страшно не упасть, а не подняться.

Скиф заметил, что Яфет смотрит на Олега со странной смесью злости и симпатии. Теперь это были не правитель и бывший раб, а ныне взбунтовавшийся мятежник, а два мудреца, что говорили непонятно и спорили о непонятном, но как-то друг друга понимали или пытались понять.

– А в чем ты видишь Истину? – спросил Яфет.

Олег развел руками.

– Тебе проще, признаю. Тебе надо всего лишь выстроить Башню. Цель ясна. А я даже не знаю, где искать. Я собрал сильнейших чародеев, создал Совет Семи, мы стали управлять белом светом. Ну, управлять – это сильно сказано, но все же мы начали потихоньку гасить большие войны, смирять конфликты между крупными странами... а там и до мелких доберемся, потом пробовали ввести новые, более справедливые законы... но что-то затормозилось. Люди все равно недовольны жизнью. Иногда даже кажется, что еще больше... Я не знаю, как восстановить справедливость, чтобы все снова были счастливы! Ведь сейчас могут быть довольны новыми сапогами, добычей в силах, но не жизнью. Разве не так?

Яфет гулко расхохотался:

– Восстановить справедливость? А когда она была? И что есть справедливость? Главная причина нашего недовольства жизнью – ни на чем не основанная уверенность, что все мы имеем прямо-таки законное право на ничем не нарушаемое счастье! Что мы рождены для такого счастья. Что оно прямо предназначено нам с момента рождения, а то и задолго до него. И как только этого немедленного счастья человечку не вручают с поклоном, это существо уже чувствует себя обделенным, жалуется на судьбу!.. Не правда ли, Истап?

Маг в капюшоне вздрогнул, ответил, как показалось Скифу, вовсе невпопад:

– Несправедливость не всегда в каком-то деянии. Еще чаще она именно в бездействии.

Яфет кивнул:

– Вот-вот. Нетрудно быть добрым и вообще замечательным, когда сидишь в норке. Но мы... мы не в норках!

Изумленному Скифу показалось, что могучий Яфет словно бы в чем-то оправдывается перед Олегом. А тот кивнул, все понимая и принимая. Колдун в капюшоне, лица которого Скиф так и не увидел, сказал негромко, но веско:

– Все, кто стремится к Истине, кто ее добывает... хоть и каждый по-своему, друзья между собой.

Яфет молчал, глаза его впервые за время беседы соскользнули на Скифа. Скиф ощутил, что надо что-то сказать и ему, недостойно воина только жрать в три горла за столом врага и даже не обляять.

– Твои воины, – заявил он гордо, – трусливые собаки!.. Они сразу поджали хвосты.

Яфет поморщился, так бы отреагировал на муху, что вьется над тарелкой. Олег тоже обратил внимания на выходку друга не больше, чем на ползущее по ноге насекомое. Скиф зашипел от обиды и унижения.

Яфет стукнул кулаком по подлокотнику, широкий лоб пошел глубокими морщинами. В огромном зале наступило мертвое молчание. Скиф снова принялся есть, громко чавкая, и в знак неуважения к этому тирану бросал кости на середину стола.

Наконец, Яфет вскинул голову, словно бы даже удивился, увидев их перед собой. Лицо его было сильно постаревшее, словно за время обеда он постарел на два десятка лет.

– Идите... Убирайтесь к чертовой матери! Мне нужно подумать.

Олег кивнул, толкнул Скифа, а сам неторопливо вылез из-за стола. Яфет остался сидеть, Скиф тоже сидел, непонимающе смотрел на грозного властелина. Олег сделал пару шагов к выходу, Скиф наконец опомнился, начал выбираться из-за стола.

В дверь тут же заглянул начальник стражи, подсматривал, скотина, вскрикнул:

– Господин! Господин, ты их отпускаешь?

Яфет оскалил зубы, как лесной зверь:

– Разве я сказал неясно?

– Да, – пробормотал испуганно начальник стражи, – но эти двое... они перебили всю стражу в каменоломне, перебили отряд Вкунра на дороге, от их рук пали Рошард и Ценгр, самого Тулуба расплескали о стенку... там такое мокрое пятно!.. Когда они ворвались сюда, мы думали, что они разрушат дворец и перебьют всех! Если бы не ваша предусмотрительность, то... не знаю...

Яфет отмахнулся с раздражением:

– Пусть идут. И... не мешай мне думать!

Олег сказал Скифу негромко:

– Идем отсюда. Пока он не надумал чего-нибудь.

Скиф наконец сдвинулся с места. За спиной Яфета уже выросли могучие воины, острия копий смотрят в его сторону. Если броситься на врага, то поднимут на копья раньше, чем сомкнешь пальцы на проклятом горле...

К удивлению Скифа, Олег не бросился из дворца опрометью. Как бы по дороге деловито зашел в роскошную конюшню этого сумасшедшего Хозяина. В стойлах неплохие кони, хотя Скиф видывал и роскошнее. Своего коня не увидел, да и не искал, бросился седлать первого же попавшегося, Олег же придирчиво пересмотрел всех, а в самом последнем стойле отыскал своего необычного коня, которого называл двужильным.

Глядя на него, подбодрившийся Скиф оседлал сразу двух, одного в запас, и вот они уже благополучно выехали через главные ворота города. Никто не пробовал остановить, хотя встречались группы сильных и хорошо вооруженных воинов.

Повстанцы ликующими воплями встретили вожаков. Оба на добротных конях, еще один навьючен в дорогу, хороший знак.

Олег вскинул руку.

– Друзья! Братья!.. Нам со Скифом удалось отыскать и убить злого колдуна, который держал под своей властью хозяина этих земель, благородного и мудрого Яфета!.. Это колдун всех заколдовал, это для него, проклятого колдуна, строили эту проклятую Башню...

Скиф изумленно дернулся, хотел спросить, что он мелет, не заколдовали ли его самого, но повстанцы, что слушали раскрыв рты, завопили, вскакивали, бросали в воздух шапки, потрясали оружием.

Ширвак выкрикнул недоверчиво:

– Но что теперь сам Хозяин... как его, говоришь?

– Яфет, – подсказал Скиф.

– Сам Яфет? Что он собирается делать?

Олег развел руками, ответил, как заметил Скиф, честно:

– Он в растерянности. Он сам не знает! Но он увидел, что вы пришли к его крепости, готовые к бою со Злом... хотя могли бы просто разбежаться по домам. Он уважает вас. Я думаю, вы с ним поладите.

Скиф почти не дышал, пока не отъехали от крепости на три полета стрелы. Впереди выросли горы, склоны укрыты лесом, можно прятаться, лишь тогда Скиф выговорил потрясенно:

– Ничего не понимаю! Ну, этих простаков ты надул, это понятно. Но о чем вы говорили с этим Яфетом?

– Да так, – ответил Олег угрюмо. – О чем еще могут говорить мудрецы?

– О золоте, – сказал Скиф. Посмотрел на Олега, поправился: – О бабах?.. Нет, тогда о власти! Но вы ж не говорили о власти!

– Нет, – ответил Олег. Повторил задумчиво: – Нет, конечно. Мы говорили о главном.

– О главном? – изумился Скиф. – Это о главном? Главное – это... это... даже не знаю! Главное – это отомстить этой змее за гибель моего отца! Другого нет главного. И у каждого человека есть что-то главное, очень похожее... А вы говорили о том, как построить башню до неба! Сумасшедшие. Два сумасшедших. Слушай, ты меня не покусает?

Олег пожал плечами.

– Ты что, так ничего и не понял?

Скиф сказал, признавая поражение:

– Вас было трое! Трое умников. А умные люди – как пахучие цветы. Один приятен, а от целого букета трещит голова. Конечно, я ни черта не понял помимо того, что ты как-то умел задурить ему голову, и теперь у нас два великолепных коня и еще один заводной!

Глава 9

Свежий ветер трепал волосы и конскую гриву, земля глухо стучала под копытами. Когда пронеслись по низкой ложине, Скиф оглянулся и захохотал. За ними неслась стая черных ворон, так показалось с первого взгляда.

Потом эти вороны падали на дорогу и рассыпались комьями жирной земли, но навстречу взлетали новые, выброшенные конскими копытами.

– Хорошо!

– Да, – согласился Олег, – если бы не погоня...

Скиф дернулся, завертелся в седле во все стороны, как будто его усадили на раскаленную наковальню.

– Где?

Олег кивнул, Скиф проследил за его взглядом, оглянулся на Олега, снова начал обшаривать взглядом дали до самого горизонта.

– Вон там облачко пыли... – сказал он неуверенно. – И вон там... Но, может быть, просто караваны с товарами?

Олег покачал головой. Лицо было угрюмое, Скиф отметил, что за последние дни красно-волосый друг похудел, осунулся. Совсем не тот уверенный в себе герой, с которым он выехал из ворот постоянного двора.

– Если бы... – проговорил Олег. Глаза его сухо блестели, он пугливо втягивал голову в плечи. – Вон то, справа, всего лишь конский табун, гонят на продажу... Потому и медленно, чтобы все кони смотрелись хорошо... А вон там за нами идет большой отряд.

– Именно за нами?

Олег буркнул:

– Я в состоянии отличить одно облако пыли от другого. Хуже то, что нам никак не оторваться. Их как будто кто-то направляет...

Скиф вскинул голову. Безбрежная синь неба, крохотное облачко, едва заметное пятнышко парящей птицы...

– Так вот почему тебя бросало то вправо, то влево? А не может за тобой следить колдун в облике, скажем, орла? Вон там что-то растопырило крылья... Или ждет, когда мы падём?

Олег даже не поднял головы. Взгляд его упирался в далекую черту между небом и землей. По лицу пролегли суровые складки, дорожная пыль припорошила брови, но ветерок тут же сорвал, очистил, однако морщины на лбу стали еще глубже.

Скиф невольно пришпорил коня.

На ночь Олег завел их в непроходимую рощу. Скиф смотрел непонимающе, когда красноголовый мудрец отыскал ямку, углубил ее, только тогда разжег на ее дне костер. Да и тот совсем крохотный, словно они не двое крепких мужчин, а два испуганных таракана.

Скиф расседлывал коней, бурчал, что возится в полной темноте, огонь освещает только нижние ветки ближайшего дерева.

– Но зато погоня нас потеряла, – сообщил Олег.

– Если только за нами совы не смотрят, – ответил Скиф язвительно.

– Сплюнь, – посоветовал Олег. – Что ты там застрял? Без ужина останешься.

Скиф вынырнул из темноты, на щеке две царапины.

– Твоего черта не стал стреноживать, – сказал он. – Укусит еще... Или лягнет. У тебя не конь, а что-то непонятное. Ты даже не разогрел?

– Да какая разница? Мясо все равно останется мясом, а хлеб хлебом.

Ночью Скиф дергался, пальцы сжимали невидимую рукоять топора и, не отыскав, загребали горсти земли. Олег долго сидел у крохотного костра. Притихшие было насекомые затрепещали в траве песенки, над головой иногда вскрикивала спросонья птица. Даже под ногами он чувствовал некое движение, словно очень крупный крот продвигался через толщу земли.

Он всегда завидовал Мраку с его чуткостью и Таргитаю с его чувствительностью, сам же толстокожее толстокожих, но сейчас даже под его толстой шкурой все чувства просто кричат об опасности.

От погони оторвать не удалось. Напротив, она все ближе.

Отдохнувшие за ночь кони шли галопом. Когда над головой перестало мелькать зеленое, на землю пал яркий свет, впереди побежали две тени. Солнце только поднялось, и тени неслись длинные, с угловатыми плечами и лохматыми головами.

Олег посматривал в небо, отвечал невпопад. Скиф тоже несколько раз посмотрел вверх, крикнул сердито:

– Мы загоним коней!

– Хочешь, чтобы загнали нас?

Скиф в панике огляделся.

– Погоня? Где?

Олег оскалил зубы, его конь прибавил ходу и начал уходить вперед. И только тут Скиф увидел, что проклятое облако пыли, что преследовало их уже который день, совсем близко, но теперь не позади, а слева. Словно старается отжать их в сторону или же успеть забежать вперед.

Олег на скаку бросал по сторонам отчаянные взгляды. На плоской как стол равнине ни гор, ни просто отдельных скал. Для обороны подошла бы и россыпь огромных камней, что невесть откуда берутся в степях. Раньше он часто дивился, откуда взялись эти исполинские камни, гладкие, как будто окаменевшие яйца гигантских кур размером с горы. Похожие камешки он видел по берегам морей, но там намного мельче, к тому же где здесь море, волны, приливы... Да и где горы, с которых скатились эти камни?.. Только бескрайняя степь во все стороны да редкие рощи выживших деревьев.

Он шумно вздохнул, заставил себя думать только о погоне. Мелькнула мысль, что раньше замирал от ужаса, теперь же до того привык получать удары и раздавать зуботычины, что уже как-то все само собой, обыденно, не нарушая привычного и мучительного хода мыслей. А цепенеет от ужаса только при соприкосновении с неведомой опасностью... Но таких случаев с каждым прожитым годом все меньше.

Ветер уже не только трепал волосы, но свистел и ревел в ушах. Конь мчался все еще как гигантский стриж, что на лету почти задевает землю, только с морды ветром уже срывало клочья пены.

Скиф отстал, его конь неся из последних сил. Скиф нахлестывал его беспощадно, но конь уже храпел, глаза дикие, безумные от изнеможения.

Олег придержал коня, а когда Скиф поравнялся, прокричал:

– Пересядь же на запасного!

– А ты?

– Мой конь лучше! И смотри, вон за этой рощей... овражек!.. Я поскачу прямо, а ты давай вдоль рощи, а потом в овраг!

– Зачем? – крикнул Скиф.

– У тебя конь вот-вот падет! Я уведу погоню. Встретимся... если вдоль берега, там река, завтра вступишь на дорогу, по которой напрямик в земли Гелона! На перекрестке должна быть корчма... Жди меня там!

Он начал придерживать коня. В двух десятках шагов слева земля полого понижается, овражек уже старый, зарос высокой сочной травой, там кустарник и даже мелкий лесок. Неко-

торое время вершинки еще высовываются из-за края, потом исчезают. Этот овражек, судя по местности, тянется почти до горизонта.

Скиф оглянулся, снова посмотрел на Олега. В глазах молодого героя был стыд, что его опекают, и страх, что его бегство могут посчитать бегством.

Он прокричал с беспокойством:

– А ты? Уверен, что сумеешь уйти?

– Ты же видишь моего коня?

– Вижу, – ответил Скиф рассерженно.

Он дернул повод, едва не оторвав коню голову, тот взвизгнул, но с облегчением пошел вниз. Зеленые заросли расступились, как зеленая тина. Конь и всадник утонули почти без звука. Олег послал своего зверя дальше легкой рысью, все в том же направлении, и почти сразу из-за леса вынырнула погоня. Олег даже обеспокоенно оглянулся, но черная голова уже не мелькает среди зеленых веток, а так никто не определит: один он убегает или по-прежнему их двое – мелкий лесок открывал убегающих только на короткие мгновения.

И все-таки он устал, а зной и липкий едкий пот с прилипающей пылью довели до бешенства. Когда грязные струйки пота текут в глаза, когда все тело зудит и чешется, не до высоких углубленных мыслей. Любой мудрец, сказал он себе, оправдываясь, будет искать, как самый грубый простолюдин, кого бы пнуть, на ком сорвать злость.

Встречный ветер уж не раздрает рот, всего лишь ласково треплет волосы и конскую гриву. Что значит, не в бешеном галопе, а на рысях дает возможность догнать его, усталого, испуганного, уже даже не мечтающего уйти, но все же убегающего, как бежит от беды всякое испуганное, нерассуждающее животное.

Он уже слышал грохот копыт за спиной, но не оборачивался. Шум, выкрики, конский храп – все это дает возможность оценивать расстояние не хуже, чем глазами. И он продолжал гнать коня все дальше и дальше, уже через голую степь, когда наконец инстинкт подсказал, что ближе подпускать опасно.

Правая рука цапнула лук, левая – стрелу. Он обернулся и, почти не целясь, быстро натянул тетиву и отпустил кончик стрелы. Губы почти сами по себе произнесли заклинание, но еще не договорил, как почувствовал, что теперь это просто слова, просто звуки, уже потерявшие силу.

Конь продолжал мчаться прежней рысью. Ногами Олег управлял так же, как поводом, пальцы быстро-быстро выхватывали стрелы, тетива звонко щелкала по кожаной рукавице, а стрелы исчезали из рук...

Конь остановился, бока тяжело вздувались, он всхрапывал и очумело тряс головой. Олег все так же хладнокровно выпускал стрелу за стрелой.

Два передних всадника, пораженные умело и жестоко, свалились с седел, а третий ухитрился так дернуть повод, что рухнул вместе с конем. Еще двое тут же наткнулись на живую преграду и упали, а еще трое влетели в это месиво из кричащего мяса, бьющих в воздух копыт, выползающих людей с разбитыми в кровь лицами, сломанными руками и добавили убитых и покалеченных.

Он быстро выпустил еще пять стрел, четверо зашатались в седлах, а с пятого лишь сорвало платок с головы. Из пыли выскочил человек с ошалелыми глазами, поднял за повод коня и вскочил на конскую спину в одно движение. Он еще не успел выхватить меч и броситься на дерзкую дичь, как Олег, угадав его намерение, пробил ему стрелой грудь с такой силой, что наконечник высунулся между лопаток.

Задние всадники, преодолев растерянность, закричали, несколько человек выхватили мечи, другие схватились за луки.

Олег тут же послал коня вскачь. Две стрелы догнали на излете, одна бессильно ткнулась в толстую шкуру волчовки, другая вовсе клюнула в седло и свалилась, не в силах даже воткнуться.

Снова за спиной грохот копыт, озлобленные крики. Он коротко обернулся. Теперь там двенадцать всадников, вполовину меньше. Но будут осторожнее, так близко не подпустят...

Он наложил на тетиву стрелу, выждал. Когда грохот стал настигать, обернулся и быстро выстрелил. В мгновение ока успел охватить взглядом всю картину, понял, что все оценил верно.

Они неслись уже цепью, у пятерых в руках луки. Его стрела ударила в горло среднему, вторая угодила соседу, после чего колени сдавили коню бока, тот надал, медленно отрываясь от погони.

Когда он оглянулся снова, то с луками в руках за ним неслись только трое. Значит, остальные с седла стрелять не умеют, это хорошо. Он не самый лучший на свете лучник, а когда можно избежать опасности, ее избегать надо.

Похоже, они не поняли, зачем он остановил коня. Неслись в слепой ярости, горя мщением, и его три стрелы поразили их без труда. Конь тут же понесся вскачь, уходя от сверкающих мечей.

Обернувшись в седле, Олег выпустил еще три стрелы, два всадника схватились за пораженные места. Только теперь оставшиеся трое героев с мечами начали замедлять бег коней, остановились.

Один потряс мечом над головой, прокричал:

– Что ты за трус?.. Мужчина ты или нет? Остановись и сражайся!

Олег остановился, развернул коня. Они в нерешительности пустили к нему коней. Когда уже были близко, он молниеносно поднял лук и выпустил три стрелы. Все трое успели пригнуться к конским гривам, но один недостаточно быстро: железный наконечник с силой ударил его в лоб, пробил кость, и всадник так и остался лежать на конской шее.

Конь прыгнул, уходя от мечей, сзади кричали, потом крики стихли. Оглянувшись, Олег увидел, что оба скачут обратно, задний прихватил за повод коня последнего убитого.

– Это еще не конец, – сказал Олег коню. – Вот догоним, отдохнешь!

Убегающие начали оглядываться, в глазах суеверный страх. О таком даже не слышали, чтобы одинокий всадник, даже бегущий всадник, мог перебить столько народу, а потом еще и в погону за ними, героями... Теперь уже видно, что его бегство было всего лишь подлым воинским приемом. Они пугливо оглядывались, Олег увидел бледные лица с вытаращенными глазами. Боевой ярости как не бывало, теперь бегством спасались всего лишь две человеческие жизни.

– Неужели, – донесся до Олега крик, – ты будешь стрелять в спины?

– Не знаю! – крикнул Олег. – Сейчас узнаем.

Он пошарил в туле, пальцы нащупали последнюю стрелу. Наложил на тетиву, заколебался, две цели, одной не сшибить, послал коня еще ближе, чтоб уж наверняка. Когда крикнул, оба перестали оборачиваться и лишь сильнее пригнулись к конской гриве. Он выстрелил.

Стрела ушла по самое оперение в поясницу. Всадник медленно сполз набок. Второй убегающий оглянулся. Олег увидел в глазах страх, стыд и отчаяние.

Он придержал коня, в мужестве отчаяния развернул навстречу Олегу.

– Трус!.. – крикнул он бешено. – А по-мужски сойтись грудь в грудь в честной схватке?.. Трусишь оставить свое оружие трусов?

Олег молча сунул в чехол бесполезный лук, погнал коня навстречу крикуну.

– Ты хотел без лука? Получи.

Всадник выпрямился, в глазах загорелась надежда. Он прикрылся с одной стороны щитом, в другой зловеще блистал меч. Шлем был надвинут по самые брови, а сам всадник был крупный телом, в добротной кольчуге.

Олег на полном скаку свесился с седла, пальцы цапнули камень. Тут же вернулся в седло, метнул. Раздался звон, словно с силой ударили в медный щит, когда зовут к обеду. Всадник вздрогнул всем телом, выпрямился, так и рухнул навзничь, завалившись на конский круп.

Конь Олега остановился понюхать с конем сраженного, а Олег стащил с седла героя. Тело тяжело рухнуло на землю. От удара тот очнулся, глаза непонимающе уставились в Олега. Из рта потекла кровь, словно отбил не только мозги, но и внутренности.

Олег приставил к его горлу нож.

– Лежи, – посоветовал он. – Сейчас будешь отвечать.

– Ты... – сорвалось с губ сраженного, – ты дрался... так воины не дерутся!

– А где на мне написано, – удивился Олег, – что я воин?

– Ты убил... столько...

– Ну, и молния убивает. И камнепад. Если хочешь, даже конь бьет копытом. Кто послал тебя?

– Кто... ты?

– Я мирный волхв, – объяснил Олег терпеливо. – Не драчливый. Защищался как мог. А вот кто послал тебя?

Мужчина прохрипел:

– То-то сказали, что ты намного опаснее воинов... А я, дурак, не поверил...

– Пусть и другие не верят, – сказал Олег. – Мне не нужна бранная слава. Слово-то какое гадкое, «брань»... Кто послал?

Он нажал сильнее, кожа подалась под лезвием. На миг показалась красная плоть, тут же порез залило кровью, тонкая струйка потекла в выемку между ключицами.

– Ты думаешь, – прохрипел мужчина, – ты меня этим испугаешь?

– Думаю, – согласился Олег. – Но я могу и оставить тебе жизнь.

– Но не оставишь?

– Могу оставить, – повторил Олег. – А могу и не оставить. Я не воин, мне ваши ритуалы ни к чему.

– А я... воин, – ответил мужчина. – Ты убил всех моих... людей. Думаешь, мне не стыдно будет вернуться... живым?

Олег подумал, кивнул.

– Наверное, да, – ответил он. – Никогда не понимал этого, но уже сталкивался. Ладно, иди к своим людям...

Лезвие перехватило артерию. Кровь брызнула тугой алой струей. Он отпрыгнул, одежда пока еще чистая от брызг крови. Мужчина забился, сознание уже меркло, но тело еще не желало сдаваться, дергалось, пыталось уйти от опасности, уползти.

Олег дождался, пока ноги дернулись и застыли, пошарил в одежде. Отыскалось несколько монет, два цветных камешка. Так же скрупулезно обыскал остальных, собрал монеты, снял кольца, опорожнил мешки, а когда наконец вскочил в седло, за ним в поводу шел целый табун оседланных коней.

Глава 10

Скиф пойдет вдоль реки, мелькнула мысль, а та виляет, как гуляющая девка бедрами. Пока сын Колоксая доберется до корчмы, придется два-три раза слезать с коня, расседлывать, давать отдохнуть и пощипать травы. А вот ему, пересаживаясь с коня на коня, можно и напрямик...

Вскоре далекая каменная гряда, что ненавязчиво маячила почти на стыке неба с землей, приблизилась, пошла почти рядом, словно предлагая снова углубиться в ее недра, походить по пещерам, взять молот и привычно ударить по расплюсченной головке металлического клина, ведь человек просто обязан строить свою Башню, а не быть бездумным скотом.

Обязан, ответил он своим думам раздраженно, но каждый под своей башней понимает разное. Кто-то вообще строит громадную тюрьму, а искренне уверен, что возводит Башню. И никто не подскажет, как правильно, а все эти басни про знания древних мудрецов, где есть готовые решения, просто злят. Нет этих решений. Все придется искать на ощупь самому под вой и насмешки трусов, мол, ничего у тебя не выйдет!

Конь едва не терся боком, царапая его ногу, о каменную стену. Прижимается, прячется от солнца. Солнечные лучи уже накалили землю, а здесь прохлады вдвойне: от остывшего за ночь камня веет глубинным холодом.

И все равно раздражало, что каменная гряда все еще упорно перегораживает путь в ту сторону. И хотя ему самому ближе и выгоднее ехать вдоль этой стены, но... что за животное этот человек, все ему не так, все ему мешает, все надо переделать, приспособить, покорить, смести преграды...

Воздух неподвижен, как состоявшееся молоко. Теплое молоко. Однако по лицу словно пахнуло ветерком. Ладонь сама скользнула к рукояти топора. Ощущение такое, что за ним кто-то наблюдает. Наблюдает прямо из камня...

Он осторожно посмотрел по сторонам, бросил взгляд вверх. В самом деле, нигде никого, а ощущение сразу слабеет. Но из камня?.. Кто? Как?

Сердце забило учащенно. В который раз он торопливо начал плести заклятие. Простое, надежное. Последние дни у него появилось странное ощущение, что магия покинула не только его одного, но и вообще ушла из мира. Но если кто-то смотрит из камня... Да, внутри камня, прямо вот там, за стеной кто-то есть! Живой, незримо наблюдает за ним, посмеивается.

Он еще не сказал последнего слова в заклятии, но уже видел, что это просто набор слов, что не зацепили незримую тетиву магической мощи. Магия... его покинула. Но только ли его? Да, последние несколько лет он вообще не прибегал к чародейству. Даже к простому колдовству не прибегал, хотя куда проще бы творить даже еду просто из воздуха или перетаскивать на свой стол с пиршественных столов могущественных владык, чем самому выкапывать корни в лесу или покупать мясо на рынке. Но как узнаешь жизнь простого человека, как прочувствуешь его заботы и нужды, если не будешь жить его жизнью?

И все же с последним словом заклятия он взмахнул рукой, напрягся, изготавившись к грохоту лопающегося камня. Вот здесь должна пройти черная трещина, раздвинуться, затем обе половинки каменной гряды отойдут одна от другой достаточно, чтобы он проехал со всеми конями...

Земля словно бы чуть дрогнула, или ему просто почудилось, ждал ведь, но с каменной стены не скатилось даже камешка.

– Что за... – сказал он вслух. – Неужто это навсегда?

Уже медленнее повторил, собрал волю в комок, швырнул ее в стену, как раньше швырял умятый до твердости камня снежок. На этот раз не качнулась даже земля, в прошлый раз просто почудилось. Но из глубины неподвижного камня словно бы донесся смешок.

Смертельный холод охватил его с головы до ног. Оглянулся в страхе, внезапно ощутив себя беззащитным, словно ребенок в темном лесу, полном больших и злобных зверей. Сорвался, трус. Ведь обещал же себе забыть о магии!

Впереди слышались голоса, шум, пыхтение. Голоса мужские, грубые, в них чувствуется злость и ожесточение. Он не расслышал слов, а ноги уже сами толкнули коня вперед, словно принадлежали не мудрому осторожному волхву, а дурному Таргитаю.

Трое мужиков, грязных и в лохмотьях, толкаясь и мешая друг другу, пытались кого-то вытащить из расщелины. Олег увидел только худые спины, один обнажен до пояса, позвонки, острые, как гребень большой рыбы, натягивают кожу.

Олег крикнул:

– Эй-эй!.. Чем-то могу помочь?

На него испуганно оглянулись все трое. Ближайший к нему быстро заглянул за спину рыжеволосого незнакомца, там всего лишь кони с пустыми седлами, ответил неприязненно:

– Ты один?.. Ну и топай своей дорогой.

– Грубо, – укорил Олег. – Нехорошие вы люди. Почему?

– Я те дам «почему», – огрызнулся мужик.

Двое других, потеряв к Олегу интерес, повернулись к расщелине. Олег успел увидеть что-то белое, не то платье, не то занавес.

– Дайте и мне поучаствовать, – сказал Олег. – Я всегда и во всем участвую. Даже когда не просят. Особенно когда не просят.

Он пустил коня ближе, мужик попытался ухватить его за ногу и сдернуть с седла. Олег пнул его в середину груди. Тот без звука отлетел к стене и рухнул. Двое других поспешно обернулись.

Олег со скорбью ощутил, что у него даже сердце не копыхнулось, не забилося чаще, омертвевшее от такой недоброй жизни.

– Не делайте зла, – сказал он печально. Поднял кулак, осмотрел, тяжелый как валун, ни одной царапины. – И вам тоже не сделают зла... может быть.

Мужики посмотрели на Олега, смерили взглядами его рост, ширину плеч, оценили его спокойствие, затем уже без слов подняли своего друга, у того голова падала на грудь, и потащили его прочь.

Олег даже не оглянулся в их сторону. Спрыгнул на землю, подошел к расщелине. Глаза еще не привыкли к быстрому переходу от яркого солнца к темноте щели, но увидел все же, что в глубине щели скорчился старик.

Ощутил разочарование, почему-то чудилось, что там женщина, обязательно молодая и красивая, с радостным воплем бросится ему на шею, спаситель, да все, что угодно, только скажи, или даже нет, не говори – сама все угадаю и выполню все твои желания...

Сгорбленный старик, как Олег и определил, весь в белых волосах, только на макушке розовая плешь. Белая борода до пояса, смотрит на него молча и тоже без особой приязни. Правой рукой он с трудом опирался на толстую суковатую клюку, ноги передвигал тяжело, Олег услышал хриплое затрудненное дыхание. Торопливо сделал шаг вперед, подхватил, вывел на солнце к удобному обломку скалы, усадил.

– Отдохни, отец, – сказал он почтительно, – я разожгу костер. Тебе нужно тепло. Тебя эти разбойники не ушибли?

Он знал по родной деревне, что глубокие старики часто мерзнут, кровь уже не греет, потому бегом собрал сухих веток, разжег огонь прямо перед стариком, а сам еще побегал, набирая хвороста в запас.

Старик кряхтел, хватался то за бока, то, морщась, тер запястья. Похоже, разбойники сперва его хватали за руки, что-то требовали, куда-то пробовали тащить.

Олег чувствовал, что слишком суетится перед незнакомцем: почтительность к старости почтительностью, но это гадкое чувство беззащитности, когда вернулся страх, когда снова попытался прятаться за щит всемогущей магии, когда снова ощутил себя таким же открытым для стрел и мечей... как все!

Внезапно эта мысль, что он «как все», одновременно и успокоила странным образом. Из этих всех многие ухитряются доживать до глубокой старости, если не высовываются.

– До чего мир дошел, – сказал он, – даже в горах разбойники...

Старик покачал головой:

– Это не разбойники. Это селяне, их деревушка там в долине.

– Селяне? – не поверил Олег. – Если селяне, то не такие уж и мирные селяне.

– Мирные, – не согласился старик. – Просто у них засуха. Они хотели, чтобы я подогнал им тучу с дождем. В старые времена я такое не раз проделывал... А они мне приносили свежее мясо. Я живу здесь, в горах.

Олег посмотрел по сторонам, зябко передернул плечами:

– Неуютное место.

– Здесь похоронена вся моя семья, – ответил старик кротко. – Все погибли... Четыре сына, богатыри и красавцы, две дочери, моя жена... равной которой не было на свете. Я похоронил их и вот уже пятьдесят лет не отхожу от их могил.

Краем глаза Олег заметил отесанные плиты, уложенные в ряд. Семь плит. На всех пламенеют, как свежeproлитая кровь, только что сорванные цветы. Увядшие сметены в сторону, там глубокая расщелина, но она заполнена доверху этими красными лепестками...

– Прости, – сказал он с раскаянием, – что разбередил.

– Ничего, – ответил старик просто. – Есть раны, что не заживают. Ты лучше другое скажи... Вот бросился спасать и вершить правду, даже не зная, что там спряталось. А ведь ты – волхв! Это те трое не увидели, а я зрю. Как же ты так?

– Я не только волхв, – вырвалось у Олега.

– А кто еще?

Олег поежился, отвечать очень не хотелось, приходится признаваться в своей дурости.

– Еще и человек, – буркнул он. Поморщился. – Со всей его дуростью.

– Это да, – согласился старик. – Дурости в человеке больше, чем он сам. Как только и помещается?.. Ладно, куда едешь, такой... будто в воду опущенный? Похоже, только недавно узнал, что краденым долго не попользуешься?

Голос его был такой же высохший, похожий на каменную пыль, бесцветный. Олег сел на камень по ту сторону костра. Старик протянул к языкам пламени высохшие старческие руки, пальцы зябко вздрагивали.

Олег пробормотал:

– Краденым?.. Отец, если тебе что надо... только скажи, я помогу.

Старик слегка качнул белой головой:

– Сиди уж, помогайщик... Не видишь, что с тобой делается, а другим берешься помогать!

Олег спросил настороженно:

– А что со мной?

– То же самое, что и со всем миром, – ответил старик. – Меняется мир, меняется! Заканчивается эпоха Зимородка. А с нею – и магический дождь.

Олег прошептал:

– Магический дождь?

– Дождь, – подтвердил старик. – А раньше вообще был ливень!.. Теперь же проходит последняя полоса... Да уже прошла, почитай. Еще, может, малость покапает, и все. Вон ты

пытался стену расчихнуть, не вышло?.. Я видел, видел, как ты тужишься!.. Ха-ха!.. Пупок не надорвал?..

Олега осыпало морозом. Губы задеревенели. Он едва прошептал:

– Тогда что же, колдуны... перестанут быть колдунами?

– Уже перестают, – ответил старик. – Еще раньше кончилась сила волшебников, чародеев, магов. Ты не заметил, что вот уже несколько лет не свершается... ничего такого... ну, такого? Чародеи не трясут землю, не поднимают со дня окиян-моря земли с диковинными чудами, не топят прибрежные страны водяными бурями! Ну, разве что какая деревенская колдунья перекинется черной кошкой, чтобы подоить соседскую корову... Но скоро и это кончится.

Камень под Олегом зашатался, он обеими ладонями сжал каменные бока, чтобы не упасть. Нет, это он сам зашатался, а камень недвижим, как неподвижно мироздание. Так вот почему ему тогда не удалось обрушить каменную лавину на преследователей, не удалось раздвинуть землю, вот почему его били, топтали, заставляли ломать камень для Башни...

– Тогда колдунам, – прошептали его губы, – конец... От рук людей.

– Ты это уже видел, – согласился старик невесело. – Им не объяснить про смену эпох. Они думают, что мы либо возжелали больше даров, либо по злобе хотим их гибели!

Он умолк, а Олег, чья мысль жадно царапалась в будущее, продолжил:

– Нас перебьют всех, а новые колдуны, мелкие и слабые, будут таиться от людей?..

– Так, – подтвердил старик. Пожевал бесцветными губами, повторил: – так. Магический ливень, что изливался на землю тыщу лет, иссякает. А потом вовсе не упадет ни капли. Ты можешь представить себе мир без магии?.. И я не могу. Но так будет. И это продлится очень долго.

Олег спросил со вспыхнувшей надеждой:

– Так это не навсегда?

Старик засмеялся:

– Нет, но тебе вряд ли от этого легче. Все возвращается на круги своя, вернется и магическая туча. Однажды на землю снова прольется мощный магический дождь. Еще больше, чем в этот раз. Но это будет... ха-ха!.. через десять тысяч лет. Или чуть раньше. Но не намного.

Свет померк в глазах Олега. Он что-то прошептал, сам не услышал своих слов. Как сквозь закрытую дверь донесся скрипучий голос старика:

– Есть, правда, и другой путь магии... Им пренебрегали, пока можно было черпать на дармовщинку полными пригоршнями... Теперь же придется, придется!

– Какой?

– Использовать Силы, – ответил старик. – Вон взгляни на вершину этой гряды. Видишь ветряк? Даже при легком ветерке он двигает огромные жернова, перетирая зерно. Простой ветер для меня делает то, для чего другой хозяин держит пятьдесят рабов. А я и пальцем не шевелю! Могучая магия ветра работает на меня. Вот это и есть самая великая магия!

Олег слушал, потрясенный таким простым решением, спросил с почтением:

– Невероятно... Но когда ветер стихает?..

Старик поморщился.

– Ничто не бывает без сучка без задоринки. Если хочешь, чтобы ветер дул всегда, ставь такой ветряк на берегу реки. И опускай крылья в воду. Это будет называться водяным ветряком. Или водяной мельницей. Пока река течет, а течет она вечно, жернова не остановятся! Но там другой недостаток...

– Какой?

Старик взглянул с удивлением:

– Будешь привязан к воде! Той, что течет.

Олег ощутил стыд, от усталости перестал понимать такие простые вещи.

– Если отыщешь ключик с такой магией, – сказал старик, – да еще и научишься пользоваться... Конечно, это не та мощь, что доселе, но все же магия! Она от земли, потому не зависит от той магической тучи, что раз в десять тысяч лет изливается на оскудевшую землю... Ее столько же, как ветра, воды, солнца, звезд... Научишь пользоваться!

– Как?

– Кто маг? – удивился старик. – Маг – это прежде всего человек, который думает. Думает постоянно. Думает над самыми простыми вопросами, которые простолюдину понятны: почему вода мокрая? Ищи!.. Зато всегда будет при тебе.

– Не всегда, – ответил Олег, но голос обрел живые нотки. – Вот у тебя только при ветре... Правда, можно речную... гм...

Старик сказал с нажимом:

– А ты такую, чтоб не был привязан! Скажем, научись брать от солнца.

– Хорошо бы, – ответил Олег с еще большей надеждой, но спохватился: – Но как же ночью?

Старик нахмурился:

– Тогда от звезд... Сдается мне, ты просто глуп. И мед тебе дай да поднеси, да еще и ложку побольше. Никто не может объять всего. Ночь для того, чтобы спать. И день – для работы.

Олег смолчал, пристыженный.

– Да-да, – сказал он после долгого молчания, – я понимаю...

– Да? – спросил старик язвительно. – Но принять трудно, верно? Работать никто не любит. Тем более не хочет работать тот, кто раньше не работал. Когда воин ежедневно упражняется с мечом, у него нарастают мышцы. Он научается бить точнее, не промахивается как дурак. И это у него остается. Я вот уже лет тридцать не беру в руки меча, но посмотри на мои мышцы!.. Да ты посмотри, посмотри, не вороти нос!.. Если я еще в детстве научился играть на бандуре, то я и сейчас сыграю любую песню. Хоть днем, хоть ночью. Хоть утром, хоть вечером. А маг? Что маг может без своей магии?..

Он поперхнулся, внезапно расхохотался. Лицо побагровело. Олег спросил встревоженно:

– Что-то случилось?

– Просто вспомнил... В том селе, откуда пришли эти трое, одна красавица вдруг превратилась в безобразную старуху. А ведь такое теперь случается по всему белому свету... ха-ха!

Глава 11

Скиф уже давно ехал сквозь густые заросли сочной мясистой травы. Цветущие метелки поднимаются до седла, ноги и брюхо коня мокрые, зеленые от липкого душистого сока. Если не смотреть по сторонам, то забудешь, что едешь по дну огромного старого оврага. Но справа и слева полого поднимаются заросшие мелким лесом высокие откосы, а здесь в тени никогда не пересыхают родники, а трава всегда сочная, свежая, непримятая...

Эта непримятая зелень тянулась бесконечно, только иногда переходила в скопище исполинских лопухов, папоротника, в которых тоже можно укрыться вместе с конем. Под копытами то чавкало, то хлюпало, трижды дорогу пересекали такие чистые ручьи, что Скиф сам спрыгивал и пил жадно по-звериному: встав на четвереньки и опустив голову к воде.

Оба с конем чувствовали, что там, наверху, сухой ветер и зной, а здесь и трава сочная, мясистая, и стенки все же дают какую-то защиту от зноя. Замученный конь Скифа быстро оживал, пробирался счастливо и в то же время опасно, будто попал в другую страну.

Скиф снова и снова останавливался, поил коня и пил сам, обтирал коню пучками травы липкие от мыла бока и круп. Покормил овсом из седельного мешка, малость передохнули. Все время тщетно прислушивался, но везде тихо. Значит, Олег увел погоню далеко, а там оторвался от них и ускакал. Что за конь у него, это же дикий зверь, а не конь!

Солнце уж перешло на ту сторону неба. Дно оврага постепенно поднималось, выталкивая их с конем на поверхность. Так же незаметно края оврага ушли далеко-далеко в стороны, разгладились, и снова конь мерно трусил по ровной как стол, зеленой степи. Высокая сочная трава шелестела, из-под копыт прыскали зайцы, вылетали птицы.

Мир чист и светел, но все-таки он чувствовал, как сердце стучит все яростнее, а кулаки сжимаются. Перед мысленным взором проносятся картины, как его мужественный отец падает, сраженный отравой, корчится в невыносимых муках, а подлая злая женщина злобно хохочет и пинает его ногой.

– Отомщу! – прорычал он. – Отомщу!.. Это был мой отец... лучший из людей... который так и не успел взять меня на руки...

Он вздрогнул от страшного грохота прямо над головой. Совсем близко, на расстоянии выстрела из лука, между небом и землей стоит серая стена... Нет, она несется со скоростью скачущего коня в его сторону! Вместо синего неба тяжелая, как каменный хребет, туча, а стена ливня сейчас накроет их с конем, как двух неповоротливых жуков...

Он заорал, конь тоже разогнался, успели увидеть, как впереди на дорогу прыснули крупные капли, взбивая пыль, и тут же влетели в ливень. Холодные потоки обрушились ощутимой тяжестью, пытались вбить в землю, вогнать, чтобы потом оттуда во множестве проросли эти странные существа с двумя головами и шестью ногами.

Громовой удар потряс землю. Скиф на миг оглох, они неслись в полной тиши, затем прорвались ни на что не похожие звуки, уж точно на дождь не похожие, это был рев, шум водопада, грохот, треск. Серая пелена время от времени озарялась тусклыми, а иногда и совсем слепящими вспышками. Дважды его словно бы обожгло, но это был не огонь, а нечто странное, старики говорят, что это случается, когда огненная стрела бьет опасно близко...

Он знал, что стрелы бьют по самому высокому дереву, а если дерева нет, то по всаднику. Даже пеший должен в грозу лечь в грязь перед буйством богов, признавая их мощь, смиряясь.

– Не смиряюсь! – закричал он. – Не смиряюсь!

Земли не видно под мутными потоками, копыта начали скользить, конь замедлил бег, осторожничает, уже не видит, куда ступает, а Скиф, мокрый, как рыба, лязгал зубами и радовался, что не в пышных одеждах дурака, как презренный богач, которому долго потом мерзнуть в насквозь промокшей одежде.

Яростный ливень почему-то перешел в простой дождь, а те заканчиваются не так резко и быстро. Дорожная пыль без всякого волшебства превратилась в грязь. Конь вовсе перешел на шаг, ступал тяжело, за копытами поднимались огромные лепехи грязи пополам с глиной. Глины всякий раз поднималось столько, что хватило бы на два больших кувшина и миску для собаки.

Очень быстро наступил вечер, а за ним и ночь. Конь устал, едва тащится, но немислимо заночевать среди этой грязи, и Скиф умоляюще похлопывал коня по шее, уговаривал, успокаивал, убеждал, что вот-вот, уже скоро, надо идти...

На затынутом небе ни звездочки, даже посланная людям благословенная луна лишь однажды слабо посветила через прохуdivшийся бок тучи. Конь ступал совсем осторожно, вслепую. Под ногами чавкало, хлюпало. Иногда Скиф чувствовал, что конь бредет почти по брюху в воде, затем снова выбирается на сушу, которую сушей можно назвать только в сравнении с полным болотом. Дождь льет не переставая, холод пробрал его до мозга костей.

Ему почудился собачий лай. Тут же ощутил, как насторожился конь, даже остановился с поднятым в воздух копытом.

– Давай, вывози, – взмолился Скиф. – Я лучше тебя умею разводить огонь, но что-то ж ты умеешь лучше?

Конь послушно двинулся через темноту. Умное животное, оно нащупывало дорогу, фыркало, шлепало мокрым хвостом по крупу, словно отгоняло мух, наконец остановилось. Скиф разглядел высокий палисад, концы заостренные. Почему-то показалось, что на одном торчит насаженная человеческая голова, но когда вдали слабо мелькнула молния, рассмотрел с облегчением, что это всего лишь глиняный горшок вверх доньшком.

Он почти на ощупь отыскал ворота. В калитку вделано медное кольцо, тяжелое, старинной работы. От удара о такую же медную пластину звон получился тягучий, что тут же припал к земле под ударом струй, прополз чуть и утоп, захлебнувшись грязью.

Конь заржал гневно, Скиф едва усидел, когда конь привстал на дыбы и ударил в калитку копытом. От грохота сразу где-то вспыхнул свет, проник в щели. Скиф увидел поверх палисада, как обозначился прямоугольный проем. С факелом в руке появилась закутанная в тряпки фигура.

– Отопри! – прокричал Скиф. – Среди странников ходят и боги!

Через унылый шум донесся скрипучий голос:

– В такую погоду? Ни за что не поверю.

Открылись не ворота, как ожидал Скиф, а отворилась калитка. От усталости, замерзший так, что в костях застыл как холодец костяной мозг, он не нашел в себе силы слезть, а конь не стал ждать, двинулся во двор. К удивлению Скифа, ему даже не пришлось особенно пригибаться, у него и на это не хватало сил. Балка прошла над самой головой, даже не задев промокшие волосы. Он успел подумать с удивлением и опаской, что какие же люди здесь ходят, если для них такие калитки...

Огонек мелькнул во втором окне, пробился через ставни. Теперь жадно хватающие каждую капельку света глаза Скифа охватили весь двор, невысокий, но широкий домик с пышной соломенной крышей. С двух концов булькают переполненные водой бочки, вода с громким журчанием стекает широкими струями, переливается через края. Перед крыльцом чернеет огромная и страшноватая лужа, с виду так и вовсе бездонная. Скифу почудилось, что вот-вот оттуда покажутся гигантские крючковатые лапы, ухватят, потащат в бездну.

Он почти свалился с коня, если бы не держался, упал бы в грязь. Конь тоже пошатывался, закрывал глаза. Скиф повернулся к хозяину дома или слуге, тот тщательно запер калитку, вложив в петли толстое полено. Когда он повернулся к Скифу, тот едва сумел удержаться от крика.

На него смотрело мохнатое звериное лицо. Морда волчья, даже больше похожа на медвежью. Нет, все-таки волчья, только крупнее, шире. Челюсти такие, что полено перекусит, как лучинку.

– Ну что, – сказал звероватый хозяин. – Может, передумал?.. Вернешься? Дождик уже почти перестал...

Скифу больше всего на свете хотелось в самом деле вернуться, но в голосе хозяина звучала откровенная насмешка.

Он вспыхнул, выпрямился.

– А что, – сказал он с вызовом, – жрать в самом деле нечего? Стыдно небось?

Хозяин хмыкнул. Скиф выждал, но хозяин молча повернулся и пошел к дому. Скиф двинулся следом. У крыльца из темноты появился так внезапно, что Скиф вздрогнул, мальчишка. Неслышно, держась в тени, он перехватил повод и увел коня.

Скиф поднялся за хозяином на крыльцо, в груди теснился страх. Чем его накормят? Не человечесиной ли? Ведь сюда могли забрести путники и до него. Или того хуже: зарежут, зажарят и подадут к столу его собственного коня...

Дверь открылась со скрипом. Пахнуло ароматом сушеных трав. Скиф переступил следом за хозяином порог. Просторные сени, длинные полки вдоль стен, пучки трав заполняют полки, свешиваются с потолочной балки, торчат из щелей в стенах, но все пересохло и покрылось пылью настолько, что в носу Скифа засвербило, он поспешил догнать хозяина, сделал шаг через порог главного помещения, перевел дух.

За столами народ пьет и ест, орет песни и бахвалится, братается и ссорится, а парнишка торопливо разносит на широкой доске жареное мясо, кувшины с вином, кружки с пивом. Когда он на бегу посмотрел на Скифа, тот увидел такое же звериное рыло, как и у хозяина, но теперь Скифу все равно, это же корчма, а не логово оборотней, что заманивают путников, а потом съедают. Это просто корчма, которую держит семья оборотней. Здесь ничего не случится особенного, разве что, как во всякой корчме, могут набить морду, ограбить, увести коня, а то и шарахнуть топором по голове. Но не корысти ради, а так, по пьяни.

К одной из стен было приколочено широкое зеркало, Скиф посмотрелся, желая узнать, зажила ли скула, но увидел нечто с четырьмя глазами и мутным тазиком вместо лица.

К нему подбежал парнишка, ростом со Скифа, в плечах та же стать, но лицом совсем юн, даже волосы еще не волосы, а совсем детский пушок, да и клыки чуть ли не молочные. Скиф ощутил укол ревности, все здесь чересчур крупные, тяжелые, уверенные, даже кони, даже столы, лавки, пивные кружки.

– Что будете есть?

Скиф указал в сторону очага:

– Мне бы того кабанчика...

Парнишка проследил за его рукой, а когда повернулся к гостю, Скиф увидел в глазах мальчика уважение.

– Его уже заказали, – сообщил он. – Но если хотите...

– Хочу, – отрубил Скиф. – Но пока зажарят, я изгрызу этот стол. Тащи все, что есть готовое! Мяса, вина, рыбы.

Ему поставили блюдо с толстыми ломтями ветчины с гречневой кашей, на отдельной тарелке, словно брезговали, ломти черного хлеба. Скиф ждал, что сейчас принесут горячие блюда, но подали только ломтики ноздреватого сыра, до странности желтого, хотя по запаху – свежего, и большой кувшин вина.

Скиф сразу налил в кубок, попробовал, запах тонкий, на вкус напоминает артанское красное, но решил оставить его на потом, кто знает, не хотят ли упоить варвара, чтобы потом смеяться над невоздержанностью сынов Колокся.

Насыщался он, как ему показалось, одно мгновение, но когда окинул взглядом стол, чистая столешница теперь вся покрыта костями. А кувшин пуст.

Мальчишка подошел, смотрел с детским любопытством.

– Что-нибудь еще?

– Спасибо, – сказал Скиф вежливо. – Сколько с меня?

Мальчишка покачал головой.

– Не знаю. Я позову отца.

Скиф проводил его взглядом. Мальчишка чересчур горбится, надо сказать. Хотя... По спине пробежала холодная ящерица. А если ему и так трудно ходить, а проще бегать на всех четырех по лесу?

Из кухни выдвинулся хозяин, Скиф подобрался еще больше, а когда хозяин неспешно направился к нему, Скиф застыл, чувствуя, как по направлению к нему идет огромный хищный зверь.

Хозяин остановился перед столом, руки все еще неторопливо вытирал о передник. Маленькие глаза стали кроваво-красными, а когда заговорил, в пасти явственно блестели огромные клыки.

– Что-то случилось?

– Ни... ничего, – ответил Скиф поспешно. – Просто устал, пировать всю ночь не с руки. Свободная комната найдется?

– Есть, – ответил хозяин неторопливо. – Даже две... Золотой за ночлег, половинка за ужин.

Скиф, стараясь не показывать облегчения, достал монеты. Сказал, подавая хозяину:

– Хорошо у вас. Но доверяете чересчур. Плату надо брать вперед. А если у меня карманы пустые?

Хозяин благодушно махнул волосатой рукой.

– Пустяки. Твой конь стоит трех золотых...

Скифу почудилось, что хозяин не договорил, что и в нем, Скифе, мяса на целый золотой, вернулся страх, уже в молчании шел за ним наверх по скрипучей лестнице.

К его удивлению, дверь открыли не в комнатушку, а чуть ли не в покои. Вдоль стен укреплены массивные медные светильники, еще один раскорячился на столе, а в широкое окно уже заглядывает полная луна. Настолько широкое, что как бы заявляет молча, что в бойницах нужды нет, никогда враг не подступит так близко.

Под стеной справа от ложа массивный камин, на выложенном камнем полу ждет поленица березовых дров, а в самом камине горка серой золы. Похоже, этой комнатой не пользовались давно.

– Отдыхай, – сказал хозяин. – За коня не тревожься, накормили и напоили.

– Спасибо, – ответил Скиф. – Считаешь, больше беспокоиться не о чем?

Хозяин прямо взглянул в несколько побледневшее лицо гостя. Тяжелые складки губ дрогнули, это похоже на улыбку. Скиф решил считать, что хозяин улыбнулся.

– Не о чем, – ответил хозяин. – Если уж кому надо было тревожиться, то нам. Но, как видишь, все живут здесь мирно...

– Дивно, – вырвалось у Скифа. – Как же...

– Это уже Гелония, – ответил хозяин. – Хоть и самый ее край. А наш правитель, мудрый Гелон, способен овцу и волка пустить мирно пастись на луг. И будут пастись!

Он ушел, Скиф поспешно плюхнулся на ложе. Почти сразу услышал снизу не то вой, не то рык. По слухам, оборотни в полночь перекидываются волками, убегают в лес, а на кого натыкаются – рвут в клочья. Но усталость навалилась с такой силой, что тело уже отказывалось двигаться. Веки опустились тяжелые, неподъемные.

Он провалился в тяжелый беспокойный сон раньше, чем голова коснулась подушки.

Глава 12

Утром, когда он проснулся живой и целый, отдохнувшая душа возликовала. В теле перекатывалась бодрость, в желудке голодно урчало. Быстро обулся – спал одетым, – поспешил вниз.

Еще сверху со ступеней он увидел, что в совершенно пустом помещении сидит спиной к нему и лицом к входу только один человек. Крупный, широкий, с красными до плеч волосами. Перед ним широкое блюдо с жареным гусем, небольшой кувшин и наполовину наполненный кубок с красным вином.

Человек неторопливо разрывал гуся, ел неспешно, запивал вином. Скиф со счастливым воплем сбежал по ступенькам.

– Олег!

Олег, не оборачиваясь, взмахом руки пригласил к столу. Во рту у него был кусок мяса, в руке – гусиная лапа, губы блестят от жира.

Скиф плюхнулся за стол, на Олега смотрел счастливо, как потерявшийся и снова нашедший хозяина щенок. В зеленых глазах волхва вспыхивали загадочные искорки.

– Хорошо поспал?

– Олег, как там... как погоня?

Олег промычал с набитым ртом:

– Погоня? Какая погоня?

Из кухни вышел хозяин. Скифу он показался разъяренным, но и напуганным одновременно. Приблизился, спросил тяжелым голосом:

– Что-нибудь еще?

При каждом слове верхняя губа приподнималась, показывая клыки, которые за ночь как будто увеличились вдвое. По спине Скифа пробежал мороз. Олег кивнул, ответил спокойно:

– Да. Еще мяса для моего товарища.

При этом, как заметил Скиф с еще большим страхом, верхняя губа Олега как-то непроизвольно приподнялась, блеснули зубы... ровные, красивые, человечески, но холод охватил Скифа с такой силой, что затряслись колени. Показалось, что зубы Олега намного-намного страшнее.

Хозяин поклонился, Скиф потрясенно понял, что зверь напуган просто смертельно. Когда он поспешно удалился, чуть не бегом, Скиф спросил шепотом:

– Ты их знаешь? Что это за люди?

– Да так, – ответил Олег неопределенно. – Люди разные бывают. Но все не любят на себя не похожих. Здесь, в стране светловолосых, всех бед ждут от людей с черными волосами и черными глазами... Мол, сглазят!.. В странах, где все черные как вороны, на светлокожих смотрят как на заразных... А этим и вовсе приходилось туго. Только здесь, в Гелонии, где народ давно даже по пьянке друг другу морды не бьет, они живут спокойно.

Скиф еще больше понизил голос, прошептал, оглядываясь на кухню:

– А почему он тебя боится?

– Боится?.. Тебе почудилось.

– Олег, я ж вижу!

– Почудилось, почудилось. А вообще-то, мы с ними родственники.

Это было так неожиданно, что Скиф подпрыгнул.

– Как это?

– Да пустяки. Очень дальние. Просто в моем племени могут делать и то и другое... А они, так сказать, застрявшие посредине. Попробуй вот этого вина!.. Хороший урожай выдался, да еще солнца хватило... Попробуй.

Скиф попробовал, от этого вина даже аромат шибал в голову и взвешивал душу. Хозяин приблизился, высыпал перед Олегом мелкую кучку серебряных и даже золотых монет. Олег, не глядя, сгреб все в кошель, поднялся.

– Ну, пойдем?

– Пойдем, – ответил Скиф.

Во дворе мальчишка со звериным пушком на лице подвел двух оседланных коней. Еще с десятков коней Скиф увидел у коновязи, да и в раскрытую дверь конюшни было видно, что коней прибавилось, только новых гостей что-то не видно.

Когда выехали за ворота, Скиф еще раз оглянулся, спросил пораженно:

– Что значит быть волхвом!.. Он тебя накормил, а потом еще и заплатил?

– Да, – подтвердил Олег. – Ты же видел, как я хорошо ел?

– Видел, – пробормотал сбитый с толку Скиф. – Только не знал, что за это еще и платят.

– Еще как, – сказал Олег рассеянно, он уже погружался в думы, – догоняют... и еще платят, платят...

– Куда мы едем? – спросил Скиф.

– Ты не забыл, что у тебя есть еще один брат? – спросил Олег сухо. – Средний брат...

Скиф вспылал:

– Еще бы его забыть!.. Это ж ни рыба ни мясо. В то время как я выбрал путь чести и доблести, а мой старший брат Агафирс – путь коварства, Гелон так и остался посередине. Он всегда был посередине!.. Мы бьемся, а он в сторонке! Я хочу отомстить за отца, Агафирс защищает мать, кто-то из нас падет... если не оба, а этот средненький в любом случае спасет свою драгоценную шкурку!

Олег слушал, кивал, соглашался, потом обронил:

– Известно, герои гибнут первыми. Средненькие остаются. Никогда не мог понять, откуда тогда берутся герои в каждом поколении. Ведь при таком истреблении весь род людской должен бы давно стать овцами...

Скиф спросил с раздражением:

– Так чего мы едем к Гелону?

– Причина есть, – сказал Олег негромко.

– Какая?

– Очень важная, – ответил Олег. Подумал, добавил со вздохом. – Даже более чем важная. Нам просто некуда больше ехать.

В поле мужчины шли с косами в руках через золотое поле пшеницы. Женщины вязали снопы, одна под скирдой кормила грудью ребенка. По дороге изредка попадались телеги. Иногда из леса везли уже отесанные стволы, но чаще повозки были нагружены глиняными горшками, кувшинами, полотном, мешками с зерном, а то уже и мукой.

Скиф мрачнел, отводил взгляд. Олег поглядывал по сторонам с удовольствием, морщины на лбу разгладились, а горькая складка у губ исчезла вовсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.